

Влада и война призраков

Автор:

[Саша Готти](#)

Влада и война призраков

Саша Готти

Хроники темного универа #4

Тайный мир движется к катастрофе: так предсказывают домовые. Война на пороге, Тьма наступает, Москва и Петербург замерли в ожидании удара. Но война начинается не только в тайном мире, но и в крови Влады, которая наполовину вампир, наполовину маг.

Выбор между двумя парнями – троллем и вампиром – приведет ее к катастрофе, запутав в клубке интриг властителей тайного мира...

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Саша Готти

Влада и война призраков

© Саша Готти, текст, ил., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Глава 1

Светлый патруль

- Огнева, але!

Влада оторвалась от окна автобуса, за которым в темноте торопливо бежали подмосковные перелески и деревеньки. Ночь с тридцать первого августа на первое сентября выдалась ненастная: ветер бузил, раздавая оплеухи деревьям, будто мстил за ласковые летние деньки.

- Огнева, ты меня слышишь? – донесся недовольный оклик Синициной из противоположного конца салона автобуса. – Я сказала, что ведомость для деканата по каждому студенту проверяю, а у тебя в старой за прошлой год какая-то белиберда написана! Вот... Огнева Влада, факультет Валькирус, принадлежность к нечисти: «Вэ дробь пэ дробь мэ». Это как понять?

В автобусе, полном студентов, грохнуло радостным смехом, но Влада лишь спокойно улыбнулась, не показывая раздражения. Сказывалась выработанная за два года пребывания среди нечисти привычка не обращать внимания на подколки по поводу ее происхождения.

Там, в старой школе, все семь классов над ней тоже хохмили и прикалывались, обзывая «слабачкой» из-за ее вечной анемии, авитаминоза и освобождений от физкультуры. Но там-то были люди, а здесь...

Влада обвела глазами радостные рожи однокурсников.

Человеку, который не посвящен в тайный мир, все пассажиры этого автобуса показались бы людьми, обычными веселыми студентами или школьниками, которых везут на мероприятие, только вот почему-то посреди ночи. Современную нечисть вообще отличить от людей практически невозможно;

только Влада уже привычным и наметанным за два года пребывания в тайном мире взглядом могла распознать в парне с задиристым взглядом хищника, настоящего вампира; заметить веселые глаза у прохожего на улице и понять, что это тролль; по тембру голоса отличить оборотня, а по походке и смеху узнать в типичном увальне упыря.

Вот в конце автобуса ржет Герка, на вид не особо-то рослый десятиклассник, а на самом деле вампир из древнего рода, которому ничего не стоит перепрыгнуть с одной крыши дома на другую или разорвать надвое железный осветительный столб. Вот хихикает Синицина – с виду обычная кудрявая девчонка, а на самом деле настоящая фурия, царапина или плевков которой способны надолго отправить человека в больницу. Вот улыбается Дрина Веснич – кикимора, чей визг, который в сто раз громче визга обычной девчонки, парализует все живое и может даже контузить. Вот давится от смеха Марик Уткин, с виду мешковатый увальень лет шестнадцати. Только вот этот увальень состоит из нетопырей, как и любой упырь в тайном мире. Сам-то он страшно боится даже говорить об этом, боится рассыпаться от любого стресса, что самое смешное! Да и сама преподша Лина Кимовна каждое полнолуние больше походила на волчицу, потому что была оборотнем...

Вокруг Влады сейчас веселились кикиморы, вампиры, тролли, оборотни, упыри – современная нечисть с линзами в глазах, чтобы те не светились яркими огнями в темноте. Все хорошо одетые, со смартфонами в карманах и блогами в соцсетях, отлично адаптированные среди людей. Только вот учатся они в Носфероне, куда и мчался сейчас по шоссе Огоньково – Москва этот автобус. Впереди Москва и Темный Универ, который ждал их на Сухаревской площади, чтобы начать новый учебный год.

Только вот она, Влада, хоть и тоже учится в Носфероне, не такая, как остальные. Анемия, недостаток железа в крови – от отца-вампира. Предчувствия и интуиция, которая часто терзала не по делу, – от матери.

– Так как понять, Огнева? – повторила юная фурия. – «Вэ дробь пэ дробь мэ»?

– Вампир-полукровка, – спокойно ответила Влада.

– А «мэ» – это что?

– У нее мать была светлый маг, а отец – вампир, – ответил за Владу Герка. – Если бы у тебя кто-то из родни был из магов, из наших врагов, ты бы хотела это афишировать?

– Не учи старосту, как ей старостить, – огрызнулась юная фурия. – Сейчас в актовом будет общий сбор перед заселением в общаги, а мне надо сдать обновленные ведомости в деканат. Та-ак... Теперь родственники ближайшие, на случай, если надо будет вызывать в деканат.

– Только дед, – нехотя отозвалась Влада, которая ненавидела упоминать о том, что она сирота. – Но его вызывать в деканат нельзя. Он бывший светлый маг, в Носферон ему не пройти. Зловоротня не пропустит. Так и напиши.

– Угу... значит, тебя и в этом году освобождают от плавания и физры? Вроде тут написано: «ввиду особого происхождения и постоянной анемии – освобождается».

– Да, у меня освобождение, Синицина, и отцепись... – отмахнулась Влада.

Отбившись от фурии, она вытащила из кармана смартфон, пробегаясь взглядом по мигающим вызовам в скайпе.

Вот контакт «Егор Бертилов», у которого в статусе было написано «йа есмь тролле, оплеван всеми фуриями ада! Это абсурд, вранье – череп, скелет, коса. Смерть придет – у нее – будут твои глаза!», и контакт «валькер Димка Ацкий», который постоянно падал в офлайн, потом поднимался в онлайн и снова падал. Видимо, Димка несся в Носферон где-то на большой высоте, и его мотало ветром.

Вот контакт «доставучий домовой Ливченко», у которого висел статус с трагическим смайликом:

«узник совести», вот – «ведьмобродие», напротив которого висел значок: «не беспокоить». А вот и Гильс Муранов, который на выкрутасы со статусами в скайпе время не тратил, написав просто: «Вампир. Убить? Обращайтесь».

Влада открыла диалог с Гильсом, последнее сообщение от которого она перечитывала каждый час:

«Первого сентября в Универе, три ночи, жду у столовой». Это и было оно – то самое первое свидание, первое в жизни. Наконец-то в их с Гильсом отношениях лед тронулся, что-то произошло, раз он сам позвал ее на встречу, да еще ночью, и там, где их никто не может увидеть.

– Огнева, ты опять не слышишь? – донесся до нее голос Синициной. – Я говорю – береги сумку от парней, а то сейчас начнется у них развлекуха любимая.

– Да, наша вечно задумчивая и стеснительная Владочка погружена с головой в свой роман, – хитро заулыбалась Дрина, склонив голову. – Ай-ай... кошмар, что делается! Это тот, кто я думаю, счастье на букву «М»?

– Почему на «М»? – озадачился Колыванов. – Меня же зовут на «А», Антон. Ты ведь в меня втрескана, Огнева, ведь не в Гильса Муранова, правда? Ай, ну за что сумкой-то по башке?!

– Прекратите немедленно вопли и драку в конце автобуса! – Сопровождающая автобус преподша Лина Кимовна возмущенно поднялась с переднего сиденья, держась за поручень. – Синицина, если вы заполняете ведомости, то делайте это тихо. Вообще, это позорище для студентов, такое поведение!

На крыше автобуса вдруг раздался грохот, будто сверху на него кто-то спрыгнул с большой высоты, а потом Лина Кимовна издала яростный вопль, увидав, как справа от автобуса в воздухе несутся стремительные тени с крыльями. К стеклу на секунду, расплыв нос, прижалась радостная мальчишеская рожа, а потом в открытое окно влез и ее обладатель – паренек лет семнадцати с мокрыми от дождя волосами до плеч. Его кожистые черные крылья, обклеенные всем, что можно приклеить, пока он не уложил их в проходе между сиденьями, цепляли все вокруг, опрокинули чей-то термос с чаем и порвали колготки Лизе Маркиной.

– Ацкий, пошел вон от автобуса, вы должны добираться по воздуху! – взвизгнула Лина Кимовна. – Валькеры, как не стыдно... у меня уже нервы на пределе!

– Линкимовна, я честно не хочу трепать вам нервы, – Ацкий проникновенно приложил руку к сердцу, сделав брови домиком. – Вот честно! Но у нас же традиция: по дороге, сами знаете, мы играем в...

– Не смей даже произносить этого гадкого слова, Ацкий!

Лина Кимовна была в такой ярости, что стала похожа на волчицу, которая, оскалив зубы, готовится укусить.

– Тру...

– Я влеплю вам выговор! Вам и Колыванову!

– Трусе...

– Ацкий, замолчите!

– Трусельбол!!! – восторженно рявкнул Ацкий с видом революционера, который борется за свободу этого слова во всем мире. – Герка, подавай! Я на перехвате! Антоха, ну?!

В этот момент Колыванов, которому под шумок удалось повернуть самую главную часть игры, залез-таки в чемодан одной из девчонок. Он выудил из него то, что ему не удалось стащить из сумки Влады, и подбросил в воздух с победным воплем.

– Отдай мои трусы, упырь! – вдруг завопила Синицина, и с этой секунды игра началась.

Важная деталь синицинского гардероба летала над головой, издавая идиотское кудахтанье и ловко уворачиваясь от рук, которые пытались ее схватить. Мальчишки перекидывали трусики друг другу, девчонки же, наоборот, – из чувства женской солидарности старались их поймать и вернуть владелице. В битком набитом автобусе веселились все: группа вампиров-старшекурсников в конце салона, тролли, кикиморы, валькеры. Юная нечисть бесилась так, что Владе казалось, будто автобус вот-вот потеряет равновесие и съедет в кювет.

– Стразы, я убит! – завопил Ац, поймав артефакт и размахивая им над головой. – Синицина, давай встречаться! Я Владку брошу!

– Чтобы меня бросить, для начала надо охмурить, – рассмеялась Влада, включаясь в игру и как следует огрев своей сумкой Колыванова, который принял пас от Ацкого, но был встречен жестоким сопротивлением женской команды автобуса.

– Георгий, ну сделайте с этими обормотами уже что-нибудь! – взывала оборотенесса. – Я не справляюсь. Такие дылды выросли, неуправляемые абсолютно... Даже Огнева шумит, самая тихая на факультете! Вы не спите, Георгий?

Дежурный ведьмак Носферона Жорик Темнов, очень похожий на Мефистофеля в молодости, оторвался от своего планшетника с открытым форумом по общению московских ведьм и привстал с переднего сиденья, одарив студентов Темного Универа взглядом, полным сурового скептицизма.

– Прибью вас хорошей порчей, доиграетесь, – пообещал ведьмак. – Огнева, тебе тоже мало не покажется!

– Порча на нечисть не действует, – беззаботно рассмеялась Влада. – А я вообще бессмертная полукровка, посмотрите в ведомость!

– Бессмертная она, полукровка... – проворчал Жорик. – Огнева, когда придешь в себя уже? Мне не нравится твое веселье.

– Почему? – Влада задорно сдула челку с носа.

– Потому что оно ничего хорошего не предвещает, – ведьмак поджал губы. – Вот совсем ничего. Это я тебя как ведьмак предупреждаю. И не только тебя, а всех, кто кошмарит этот автобус!

– Ваше ведьмобродие, да че мы сделали-то?! – возмутился тролль Ян Зеленовский. – Через пару часов загонят по общагам, начнется рутинка, Ада Фурьевна с Сиреной Морфеевной и прочие кайфушки. Дайте уж оторваться-то последние минуты на свободе!

– Вот вы на нас жалуетесь, а ведь тут еще нету Муранова с Бертиловым, – слышался гнусавый голосок гоблина Отто Йорга, который вечно лез куда не надо. – А вот были бы, так автобус уже провалился бы в ад, Лина Кимовна.

– Эй, Йорг, а при Муранове такое повторить слабо? – слышалось из конца автобуса от компании вампиров. – Да он просто взрослый вампир, которому нужна кровь. А мы все по сравнению с ним еще дети.

– Нам всем в восемнадцать лет только кровь пить, а он уже сейчас, – с восхищением и завистью громко заявил Герка. – Если, конечно, его в Универе восстановят.

– Восстановят, уверен, – слегка улыбнулся ведьмак. – Деканат не допустит, чтобы студент из такой непростой семьи, как семья Мурановых, оказался за стенами учебного заведения. У парня был тяжелейший период в жизни, но он взял себя в руки. Муранов восстанавливается в Универе, сегодня должен прийти окончательный ответ от деканата, но все уже и так знают, что он будет положительным. А вот Бертилов, что о нем слышно? Меня впечатлили способности этого тролля; на мой взгляд, в Универе его недооценивают...

– Бертилов – это кошмар, – вздрогнула Лина Кимовна. – Ужасный студент, худший из троллей за все годы моего преподавания. Если бы не заступничество факультета троллей и Горана Горановича, он бы вылетел из Универа после своих фокусов на летней практике. Сейчас ему поручили кое-какие работы. Ведь, что было, это же кошмар, Георгий! Внушил половине Москвы, чтобы тащили подушки и бросали в какой-то переулок!

– Ничего, Москва – город крепкий, – ведьмак пребывал в мрачно-философском настроении. – Пережили Наполеона, переживут и Бертилова с его подушками. У троллей в переходном возрасте случаются такие вещи, это все пубертат, нервы...

– У Бертилова нервы, а город уже хотели эвакуировать, у людей начались провалы в памяти, сдвиг реальности, – поджала губы Лина Кимовна. – Я неделю писала докладные, Темный Департамент был в бешенстве, Горану Горановичу это стоило понижения в должности, и...

Договорить Лина Кимовна не успела: на лобовом стекле что-то хлопнуло с оглушительным треском, автобус вдруг резко затормозил, и все с воплями повалились друг на друга.

– Светляки проклятушие, чтоб им... – ругнулся шофер, крутя рулем, и автобус остановился, подрулив к обочине дороги. В салоне стало тихо, пока Влада, как и остальные, всматривалась в темноту за окном.

К дверям автобуса приблизился юноша в длинном сером плаще с вышитой на плече лилией. По этой эмблеме легко можно было узнать стажера Магиструма, представителя сильных мира сего – магов, извечных врагов нечисти. Как учили студентов Носферона на лекциях, от войны с магами нечисть спасает только Конвенция, перемирие, что не мешает стажерам, молодым ученикам, постоянно задевать нечисть при любой встрече.

Как и полагалось магическому стажеру, юноша выглядел очень уверенно, а на широком лице играла довольная улыбочка. По его манерам и поведению было ясно: ему известно, что за автобус он остановил и кто в нем находится.

– Так-так... Нечистая сила несется до своей альма-матер по случаю первого сентября, – нараспев сказал «патрульный». – Мы задерживаем ваш автобус.

– С какой стати? – Лина Кимовна запаниковала. – Вы права не имеете, это учебный автобус Темного Департамента!

– Да хоть самого дьявола личный лимузин, – пожал плечами патрульный. – Сказано же, задерживаем для вручения уведомления. Если, конечно, вы не дадите повода для претензий.

В этот момент патрульный поднял голову и увидел Колыванова с трусами на голове.

– Засуньте свои претензии знаете куда?.. – сказала башка Колыванова, радостно гоготнув.

– Значит, все-таки будут претензии, – занудным голосом произнес патрульный. – Попрошу выйти того, кто так прекрасно воспитывает этих юных упырей.

Оно хоть умеет разговаривать?

Ведьмак тяжело вздохнул, захлопнул ноутбук и, придерживая руками полы длинного черного плаща, спустился по ступенькам автобуса.

– Мы вас внимательно слушаем, – Темнов ежился под порывами холодного ветра, морщась от бьющего в лицо дождя.

– Надеюсь, что так, – ответил патрульный. На него не попадало ни единой капли, а ветер будто бы обходил его стороной. – Получите уведомление, – и он протянул ведьмаку ярко-белый конверт с печатью в виде лилии посередине.

– Из ваших рук, чтобы всех светлой пакостью шибануло, и наш автобус до Москвы не доехал? – хмыкнул Жорик. – Вы просто пришлите, пожалуйста, свои необоснованные претензии на адрес Темного Департамента. А теперь не будете ли вы так добры отпустить автобус, поскольку мы должны прибыть к назначенному времени. Согласно Конвенции, мы не сможем держать большое скопление нечисти в центре Москвы...

– Получите уведомление и доставьте в деканат. Мы вручаем его каждому автобусу со студентами Носферона, – заметил патрульный. – Если вы отказываетесь его взять, мы вас в город не пропустим. Развернетесь и поедете обратно в болота, из которых вылезли.

– Сам-то откуда вылез, ушлепок магообразный? – не выдержал Герка. – Тоже мне, светлые маги называются! Смените вывеску...

Вылезшие из окон автобуса головы возмущенно загалдели, делая патрульному светлону не слишком приличные жесты.

– Тихо! – прикрикнул Жорик на нечисть. – Ладно, берем. Но уж тогда при вас и вскрою.

Темнов очень осторожно подцепил двумя пальцами конверт, сразу же вскрыл его, прищурив глаза, как кухарка, которая поднимает крышку с плюющейся раскаленным маслом сковороды. Но ничего не произошло: внутри оказался обыкновенный лист бумаги с напечатанным текстом.

– И не забудьте прочесть объявление вашим так называемым студентам, – покачал головой патрульный. – Можете ехать, уважаемые темные... чтоб вам не доехать.

– И вам не чихать, – ведьмак поспешно забрался обратно в автобус, передал листок Лине Кимовне, и та нутужно закашлялась, готовясь прочесть написанное.

– «Магиструм и светлая сторона уведомляют студентов Носферона, что с этого года им запрещается устраивать университетский бал на Хеллоуин, а также проводить бои вампиров, соревнования и прочие мероприятия, приводящие к массовому скоплению нечисти на территории Москвы. Уведомляем, что...» – громко начала читать Лина Кимовна, но потом запнулась и нахмурилась. – Георгий, я ничего не понимаю здесь! – Она повернулась к ведьмаку: – Что это такое, шутка?! Может быть, вы прочтете?

Ведьмак взял листок из рук преподаши и тоже нахмурился.

– «...Уведомляем, что нечисти предписано убираться прочь из Москвы и к первому января находиться в специально отведенных резервациях: Огоньково для Москвы, Пестроглазово для Петербурга – и не покидать их пределов...» – дочитал ведьмак, замолк и обвел взглядом притихший автобус.

– Между прочим, у нас около Пестроглазово тоже такие листовки разбросали, типа, не выезжайте из резерваций, сидите там, – прогнусавил Отто Йорг, сморщив узкое лицо в гримасе. – Домовые говорят, что первого января будет конец света, типа, открывается Тьма, маги против нас войну начнут, и все такое сразу... Короче, полгода жить осталось.

– Большое спасибо за распространение идиотских сплетен, Йорг, – огрызнулась преподаша, у которой нервно задергался глаз. – Да, боев и бала в этом учебном году не будет. Но это не имеет отношения к мерзким листовкам, это совсем другое!

– Это шутка, Линкимовна?! – подскочил Герка так, что ударился затылком о полку с сумками. – С какой стати они нам отменили бои вампиров? Да мы готовились к ним, мы ждем их! Это наше все! Да я тренировался весь год, чтобы драться!!!

– До вампиров дошло только это, про бои? – Жорик прищурился. – А инфа насчет убраться из Москвы в резервации пролетела мимо?

– Да плевать нам на их угрозы и резервации! Пусть сами убираются! – возмутился Колыванов. – Темный Департамент чего – этого перепугался? Я бала на Хеллоуин не дам им отменить!!! Еще чего выдумали, козлы!

– Молча-ать! – рывкнула оборотенесса, тут же закашлявшись и схватившись за горло.

– Лина Кимовна, давайте без нервов, – Темнов успокаивающе положил ладонь на плечо преподши, но Влада заметила, что пальцы ведьмака заметно дрожали. – Слухи сейчас в тайном мире действительно ходят очень нехорошие. Хотите шоколадку?

Оборотенесса кивнула и долго жевала конфету, которую протянул ей ведьмак, вместе с оберткой, хрустя фольгой.

– Георгий... а что за слухи ходят? – игриво спросила Дрина, одаривая ведьмака ласковым взглядом, который тот благоразумно отфутболил.

– Да, хотелось бы ясности, че за фигня, – грубо поддержал кикимору Герка. – Вы дежурный ведьмак, так объясняйте, что происходит!

– Спешу и падаю, – ведьмак даже не улыбнулся. – Но могу сказать одно: в тайном мире обстановка сейчас очень сложная. Общий магический фон не радует. Магиструм начал наглеть против нечисти, Конвенция часто нарушается. А самое странное то, что почти все домовые во всем тайном мире предчувствуют беду. Обычно всякими предсказаниями грешили домовые-горемычники, но на этот раз паника даже у охранных и торговых. Но вам же, темным бестолочам, все хиханьки да хаханьки, лямуры с трусельболом и так далее... – Темнов хотел добавить еще что-то, но передумал.

– И чего такого предчувствуют эти домовые? – удивился Герка. – Подумаешь, еще их слушать, да наш Буян на проходной Универа каждый день конец света обещает! Что за фигня еще, а?!

Жорик Темнов промолчал, и Влада, взглянув на ведьмака, поняла – тот не услышал вопроса. Брови у Темнова были нахмурены, а взгляд остекленел, будто ведьмак погрузился в бездну тревожных размышлений.

– А мы плевали на всякие там приказы и запреты, – высказался один из старшекурсников. – Верно говорю, народ?

Автобус одобрил высказывание, и «народ» принялся строить коварные планы, где и как тайно проводить подпольные бои вампиров, а также что делать с отмененным балом на Хеллоуин.

У Влады же краеугольным камнем Вселенной на сегодня было свидание с Гильсом, и она уже было собралась перечитать в стотысячный раз его сообщение, как вдруг автобус снова затормозил и вильнул вбок, а шофер громко выругался.

– Да что же за день такой сегодня, – прорычал он. – Ты что делаешь, куда подрезаешь, гад?! – проорал он в открытое окно.

Темная стремительная тень обогнала автобус слева, мелькнула впереди и поравнялась с ним, не снижая скорости. Парень на байке лихо несся посередине дороги, и байк опасно вилял вбок, когда по встречной полосе проносились машины.

– Что... что, снова патруль?! – Лина Кимовна нервно сглотнула. – Георгий, что там такое опять?

Студенты прильнули к окнам автобуса, Жорик прищурил глаза и напрягся, но уже через секунду усмехнулся, махнув рукой.

– Народ, это же Муранов! – высунув голову в открытое окно, закричал Герка. – Мур-ранов, ну ты и сатана! Дашь прокатиться?!

– Ги-ильс! – Дрина высунулась в окно почти по пояс и помахала рукой. – Гильсушка, ура-а!!! Ты вернулся?!

– Муранов, а нам эти светлые козлы запретили бои вампиров!!! – тут же громко пожаловался в соседнее окно Колыванов, кашляя от встречного ветра. – Ты в Универ-то вернулся?!

В ответ парень на байке поднял правую руку в кожаной перчатке, показав пальцами знак «V».

– Йес! Муранов возвращается!!! – завопил Герка. – Ребята, Мураныча взяли обратно! У нас на факультете будет настоящий вампир-кровопийца, йоу!!!!

Байк, поморгав фарами, легко обошел мчащийся автобус, взревел мотором и улетел вперед, вздымая за собой дождевую пыль с асфальта.

Влада откинулась в кресле, сжав кулаки от досады. Что уж там говорить, несколько секунд назад она была уверена, что Гильс сейчас остановит автобус ради нее, и под вопли Лины Кимовны она пересядет на байк, который домчит ее до Универа...

«Да Гильс просто не знал, что я еду в этом автобусе, – успокоила себя Влада. – Он наверняка думал, что я уже в Универе, вот и несся туда сломя голову. Да, скорее всего, это так и есть».

Зато сегодня же у нее свидание, и ничто и никто не в силах его отменить или испортить. Влада достала из сумки маленькое зеркальце, критически рассматривая свое лицо: в первый раз в жизни она подкрасила ресницы, а теперь раз в десятый подводила губы светло-перламутровой помадой.

Представляя себе, как встретится с Гильсом, Влада совсем забыла и про светлый патруль, и про хмурое лицо ведьмака, и даже про то, что должна была позвонить в Огоньково, когда автобус будет подъезжать к Универу, и сообщить деду, что все в полном порядке.

Глава 2

Родной Носферон

Остаток пути до центра Москвы автобус несся со страшной скоростью, а Лина Кимовна яростно ругала Колыванова, обещая ему деканатские кары всех видов, если они опоздают на общий сбор. Дождь, будто нарочно, усилился и теперь отчаянно хлестал по мостовой, от чего по асфальту неслись бурные реки.

Пробравшись к центру города, автобус остановился на аварийке в конце Сретенки, и студенты, похватав багаж, вывалились из него, бросившись бегом к подземному переходу станции метро «Сухаревская».

Там уже началось столпотворение, и можно было не сомневаться, что толпятся свои: только нечисть будет спокойно стоять под проливным дождем без зонтов и капюшонов, радуясь льющемуся за шиворот дождю. К счастью, опоздала не только группа студентов под командованием Лины Кимовны: почти в каждом автобусе нашелся свой идиот, какой-нибудь упырь или тролль, из-за которого светлый патруль долго и вдумчиво сочинял отдельное замечание.

– Ребята, заходим в вестибюль! – надрывалась Лина Кимовна, размахивая своим черным зонтиком. – За-хо-дим!!! Не толпимся! Сначала все раздеваемся в гардеробе, валькеры, вешаем куртки, а не швыряем... потом в актовый зал на приветствие ректора!

Свои! Влада радостно выдохнула, вдруг поняв, как же она соскучилась по Носферону. Наконец-то учеба, лекции, аудитории, однокурсники! Гильс наверняка уже был внутри Универа, скорее бы увидеть его...

– Альбинка, привет! Фанька, а ты все жуешь! Ух ты, Юлька, новая прическа! – Влада, радостно смеясь, бросала направо и налево приветствия и улыбки.

Чтобы попасть в Носферон с Сухаревской площади, достаточно было спуститься по ступенькам в подземный переход. Хотя человека, не имеющего отношения к тайному миру, внизу ждало обычное метро, студент Темного Универа попадал сначала в зловоротню, а потом в вестибюль Носферона, огромный холл, выложенный черным сверкающим мрамором, где видел гневную физиономию охранного домового, который почти всегда орал, размахивая кулачками.

– Проклятучие оруны воспряли из бездельничества летнего! – слышался надтреснуто-визгливый голосок охранного домового Буяна Бухтояровича, который отличался почтенным даже для домового возрастом, неповторимым лексиконом и крайне трудным характером. – Изыдите отседова, школяры толпячие!

Толчея была чудовищная, вешалки обрастали куртками и плащами, в ушах звенело от приветствий и смеха, сверху на головы почему-то капала мыльная вода. Задрав голову, Влада увидела, как вечная уборщица Носферона – монстр Тетьзин – с глухим ворчанием передвигается по потолку, расставляя шваброщупальца и балансируя ведрами.

Вот и универский завхоз – домовый Фобос Карлович. Он стоял около статуи Якова Брюса и громко зачитывал по бумажке рифмованные предсказания собственного сочинения в стиле Нострадамуса, которые никто не слушал.

Влада с каждой минутой входила в привычную колею, вспоминая, что такое студенческая жизнь. Когда надо посмеяться или промолчать, сострить или просто огреть кого-то по шее сумкой.

– Привет, Муранова не видел? – окликнула она Ганца Готти, старосту вампирского факультета, который сосредоточенно копался в списках распределения студентов по общежитиям, вслух ругая бестолковых кикимор, которые их составляли.

– В деканат пошел относить заявку о восстановлении, – Ганц, как всегда, был в курсе всего. – Если пойдешь туда, к стенкам около деканата не прислоняйся.

– Почему это?

– Потому что их красил Бертилов, а у него все с вывертами, – хмыкнул в ответ Ганц. – Наш тролль награжден штрафным трудом за летние подвиги. Стенки не сохнут, но это еще не самое страшное. Знаешь, что замректора теперь Адочка? Бедняга Горан, понизили его из-за всего этого, что было летом...

– Да, я в курсе, – Влада уже собралась было продираться в сторону деканата, как вдруг увидела Егора. Тот был живописно перепачкан черной краской,

а на лице было написано презрение и философское отношение к свалившимся на него испытаниям. Шестнадцатилетний тролль сидел на подоконнике около гардеробной, болтал ногами и отпивал жуть-колу из перепачканной краской бутылки.

– Егор! – Влада улыбнулась, подходя ближе. – Бертилов, привет! Как жизнь?

– Офигенски и наикрутейше, – выдав эту фразу, Бертилов мрачно огляделся по сторонам и прыгнул с подоконника. – Летом красил Носфер, торчал в местной библиотеке. Читал всякую дребедень. Я ведь писал тебе смс-ки да и по скайпу сообщения, разве ты не читала их?

– Читала. – Влада смутилась от воспоминания. В этих сообщениях слишком часто повторялась фраза «давай встречаться», и ей казалось, что тролль все еще бредит после летних событий. Нередко она закрывала его послания, даже не дочитав до конца.

– Огнева, если этот балбес начнет рушить реальность, скажи ему волшебное слово – «подушки», у него на них фобия после того, что он натворил! – весело кинула Синицина, пробегая мимо с пачкой ведомостей для деканата.

– У меня не фобия, Синицина, а аллергия... И запомни, тролли не рушат реальность, а лишь корректируют постылую действительность! – возмущенно рявкнул ей вслед Бертилов, и листки из рук юной фурии вдруг взметнулись вверх. Та взвизгнула, пытаясь их поймать, но они, шелестя уголками, сбились в дружную стайку и неслись по вестибюлю, пока не врезались в нового замректора Аду Фурьевну.

Послышался возмущенный вопль замректорской глотки, и народ в радиусе десяти метров от Бертилова разметало в стороны. Ядовитые плевки фурии лечились только водой из универского бассейна, который вонял болотом и дымился, будто кратер вулкана.

Влада решительно схватила Бертилова за рукав и утащила в гущу толпы, тут же налетев на веселую компанию вампиров во главе с Гильсом Мурановым. Даже среди вампиров, обычно вызывающе смазливых на фоне остальной нечисти, Гильс сразу же бросался в глаза удивительной, какой-то звериной красотой безупречно вылепленного лица и яркими насмешливыми глазами, под взглядом

которых у всех без исключения девчонок подгибались колени, а сердца начинали биться гораздо сильнее. Фигура у Гильса тоже была удивительной: если бы хищник, ягуар или гепард, превратился бы в человека, то он стал бы именно таким – с широкими плечами, узкой талией и гордой посадкой головы. А уж угольно-черные волосы, небрежно падающая на глаза длинная челка, вечно рваные черные джинсы и потертая футболка с красным пауком придавали юному вампиру налет хулиганской небрежности, которая ему очень шла. После того как с прошлого лета юный вампир пережил перерождение в кровопийцу, его обычно загорелая кожа потеряла привычный смуглый оттенок, став бледной до белизны, что совсем не испортило внешность юного Муранова. Скорее наоборот, его красота стала более агрессивной и притягательной...

Влада, с трудом отведя от Гильса взгляд, напряглась, вспоминая, как зовут его приятелей – малознакомых ей ребят. У нее всегда была плохая память на имена, поэтому со своего курса она помнила только треть. Разумеется, здесь был Герка, еще Игнат Дымов, слишком невысокий для вампира, что компенсировалось задиристым характером, светловолосый Денис Холодов, а имена и фамилии остальных троих Влада не помнила.

– Салют, хохмач! Ты чего со стенками около деканата сотворил, чудило подушечное?

Гильс с силой ткнул Егора в плечо, и тролль слегка побледнел, услышав слово «подушка». Но устоял на ногах, криво ухмыльнувшись.

– Здорово, монстро... пауков по карманам распихал? – Егор и Гильс стукнулись кулаками, здороваясь. Они явно намекнули друг другу на летние происшествия, и Влада решила, что ей пора вылезти из-за спины Бертилова и показаться на глаза Гильсу.

– Привет! – Она почувствовала себя глупо, не в силах сдержать счастливую улыбку.

– Кого я вижу! – Гильс кивнул на нее своим приятелям. – Самая смелая и отчаянная девчонка в Универе. Я уже дважды ею спасен и теперь в неоплатном вечном долгу.

– Да ты просто специально погибаешь, Мураныч, чтобы такая симпатия тебя вытаскивала, – прокомментировал Денис. – Меня бы кто спас хоть раз... фигушки дождешься от девок.

Вампиры рассмеялись, а Влада с досадой подумала, что трагические еще недавно вещи спустя какое-то время превращаются в повод для шуток.

– А что за кипеш-то был с автобусами у вас? – спросил у Влады Гильс. – Говорят, всех светляки тормозили у Москвы, наезжали, запретили бои. Ведьмобродие по этому поводу уже высказалось?

– А вот с нами надо было ехать, а не мимо на байке рассекать, – Влада рассмеялась. – Темнов что-то говорил про нехороший магический фон, а сам даже посерел, но он вообще в последнее время нервный...

– Ребята, в зал, а за-ал! – громко пропела Лина Кимовна, пробегая мимо. – Мальчишки, девочки, не толпитесь у дверей, успеете еще наговориться, все проходим в зал!

– Идешь, Огнева?

И Гильс, подмигнув ей, тут же свалил со своей компанией в сторону дверей актового зала. Появление Муранова было встречено бурей восторга, и он долго перекидывался шуточками с кикиморами, пока не отлепил от себя последнюю из них.

Влада хотела было ринуться вслед за Гильсом, но что-то ухватило ее за плечо с такой силой, что ворот блузки натянулся, больно врезавшись в кожу.

Она гневно обернулась, чтобы обругать какого-нибудь грубияна, но снова увидела Бертилова.

– Я же сказал, что у меня к тебе важный разговор, а ты сбегаешь! – сказал тролль совершенно другим голосом, совсем не таким, каким только что хохмил с парнями.

– Бертилов, ты разорвешь мне одежду! Отпусти сейчас же!

– Не смей бежать к Муранову, Огнева. Сначала поговори со мной. Если я вообще хоть что-нибудь значу. Не смей, слышишь?

Голос у тролля был злой и раздраженный, но блузку он отпустил. Влада, махнув рукой и крикнув «давай потом!», вбежала в зал, тут же начав пробираться между коленок туда, где мелькала яркая черно-красная футболка Гильса.

Она споткнулась о длинные ноги вурдалака Федьки Горяева, отдавила лаковый ботинок красавцу-оборотню Ромке Шнягину, а потом вдруг произошло что-то странное. Ноги внезапно перестали идти, и Влада, чтобы не упасть на колени к Фаньке, толстому троллю, который занял сразу два кресла, умудрилась приземлиться в проход между рядами на ковровую дорожку.

Не было никаких сомнений в том, кто это сделал. Вдобавок ее ботинки немедленно срослись боками и стали тесными настолько, что невозможно было стянуть их с ног.

– Ну ты, Бертилов, и зараза...

Троль уселся прямо на пол рядом с ней, и пара брошенных в их сторону любопытных взглядов тут же отзеркалились о полупрозрачный зеленоватый купол, который, как вуаль, невесть откуда опустился на нее с Егором. Звуки зала слегка утихли, будто кто-то немного приглушил звук.

– Будет разговор, темноглазая, – твердо заявил тролль. – И после него вали к вампиру, к черту полосатому – куда угодно. Но этот разговор будет.

– Ладно. Вот это верни как было, – Влада ткнула пальцем в свои пострадавшие ботинки, но Егор щелкнул пальцами, и те только теснее прижались друг к другу.

– Слушай меня внимательно, – обстоятельно начал говорить Егор. – Ты знаешь меня уже два года, и все это время я был твоим другом. Друг – в переводе с вашего девчоночьего значит, типа, «запасной» парень. На тот случай, когда ты ссорилась со своим вампиром и получала от него щелчок по носу. Так ведь?

Троль, прищурившись, схватил Владу за подбородок, приподнял его и выжидающе впился взглядом ей в лицо.

– Это хамство, Бертилов, – Влада гневно отбросила его руку. – Я тут валяюсь в проходе актового зала со склеенными ботинками, чтобы выслушивать гадости?!

– Будешь выслушивать, – фыркнул Егор. – Будешь, а потом хоть в деканат на меня жалуйся, если хочешь... и не забудь прислониться к стенке. Ты помнишь, когда летом Гильс слетел с катушек и охотился на тебя, все ведьмы, которые собирались тогда на Кудринской, все они дружно увидели, что ты погибнешь?

– Ну, допустим, я помню, – Влада поморщилась, нехотя вспоминая неприятные события. – Тогда погиб мой фантом, потому они это и увидели. Все логично. Все это в прошлом.

– А вот ничего с тех пор не изменилось! – вдруг неожиданно громко рявкнул ей в ухо тролль. – Ниче-го! Сегодня произойдет что-то последнее, что столкнет тебя в пропасть, над которой ты висишь на ниточке!

Влада недоумевающе взглянула на Бертилова, но его физиономия была хмурой и злой настолько, что тролля трудно было узнать.

– Я не хочу тут валяться на полу, Егор...

– погоди. Когда я обморочил людей в Москве, чтобы те завалили подуш... – Егор отвернулся и несколько секунд молчал. А потом продолжил говорить: – Чтобы те завалили этой фигней, которую ночью кладут под голову, весь переулок... Ты тогда упала с крыши и не пострадала. Откуда я знал заранее, а? И почему ты сейчас не веришь мне?

– Ты просто знал, что Мурановы живут в Козихинском, это было совпадение, и не надо изображать из себя предсказателя вроде Буяна, тебе не идет... – Влада поморщилась, пытаясь поудобнее уложить затекающие ноги. – Я не хочу больше слышать всякие пугалки. Мне осточертели истории, что я в опасности, и все такое! Подушка, Бертилов!

Это помогло – тролль схватился за голову, будто на него обрушился внезапный приступ головной боли, зато ботинки отлепились друг от друга, и Влада вскочила на ноги. Не оборачиваясь на тролля, она принялась продираться через

ряды коленок, чтобы добраться до компании вампиров во главе с Гильсом. Тот позвал ее, а сейчас наверняка ждет и не понимает, куда она делась.

- Ги-ильс!

Вампирский отсек в актовом зале, как обычно, базировался на галерке. Вторгаться так нагло туда, где сидят вампиры, Владе еще никогда раньше не приходилось, и сейчас при виде их породисто-хищных лиц по коже пробежали мурашки.

- Гильс... ну ты чего? - Добравшись до Муранова, она сделала круглые глаза. - На меня по дороге напала толпа светлых магов, я кричу, кричу, а ты не слышишь...

Вампир поднял на нее глаза и одарил своей фирменной мурановской усмешкой.

- Садись, хулиганка. Ставлю зачет. Ребят, подвиньтесь...

- Подвинемся, если не боится тут сидеть, - Денис Холодов толкнул соседа локтем, и парни выделили ей кусочек скамьи рядом с Гильсом.

В дверях показалась толпа ребят, одетых в черное с ног до головы, с выбеленной кожей и накрашенными черной помадой губами. Все это великолепие гроыхало серебряными цепочками, перстнями и серьгами. В зале захлопали в ладоши и засвистели.

- Это... это что?! - ахнула Лина Кимовна, которая так и застыла в проходе между сиденьями, забыв, что бежала на сцену. - Это... что за готы еще?!

- Новенькие, кланы Воронцовых и Юсуповых из Питера пожаловали, - объяснил староста вампирского факультета. - Чем древнее клан, тем меньше на них цацек и прибамбасов. Эти - сами видите... новички.

- А мне нравится, - рассмеялся Гильс и, свистнув в два пальца, помахал рукой: - Ребят, супер прикиды!

Залу тоже понравилось, и новоприбывшие новички растворились в вампирском секторе, сделав его значительно живописнее.

– Новеньких реально много, – Герка озирался по сторонам. – Видали, сколько девочек к нам понаехало в Носфер? Мураныч, как они тебе?

– Первокурсницы уже пройденный этап, – отозвался Гильс, пожав плечами. – Ты помолчи лучше, вслушайся в древнедомовой диалект... это же песня! Позади них раздавалось очень знакомое тархтение, и, обернувшись, Влада увидела через несколько рядов охранного домового Буяна Бухтояровича, который сидел рядом со своим извечным врагом, завхозом Фобосом Карловичем, и яростно ругался, брызжа слюной и тараща фиолетовые глазки.

– Глаголю я, что злосвет изыдет в нашешский мир, предзнаменования ужо отовсюдучи лезуть! – вопил Буян Бухтоярович. – А ты слеп аки кротище, проклятуший Ливченко! Так бы и жахнул я тебя по балдасам, мерзкопротивня вражесущего! Дабы всезнал обормотень на чьейную першпективу наступимши!

– Погромче орите, Буян Бухтоярович, – язвительно шипел завхоз. – Я вас записываю на диктофон, потом выложу в Интернет, меня мой племянник научил. Пусть на ваш идиотизм все полюбуются... Голоса домовых, к счастью, терялись в общем шуме. Летучий народец – валькеры и валькирии – развлекались, подлетая к сидящим и щелкая их по затылкам, и, если удавалось быстро отлететь обратно, хихикали под потолком. Пару валькирий вампиры все-таки поймали, и теперь на весь зал разносились их визг и вопли.

Это было традиционное и вполне законное несколькоминутное безобразие перед появлением на сцене кого-то из важных деканатских персон, которая рявкнет на студентов, и ребята использовали его на полную катушку.

Как и полагается, на сцену актового зала вылезла Ада Фурьевна и состроила милую гримаску, склонив голову набок. За ней вышла улыбчивая бесцветная мышка Соня Морфеевна, преподаша, способная усыпить аудиторию чуть ли не намертво своим сладким голоском, за что потом приходилось отдуваться на экзаменах. Гвалт не умолкал, и Лина Кимовна, выскочившая следом за сиреной, набрала воздух в легкие и завопила:

– Дорогие дети!!! МОЛЧААААТЬ!!!

Зал переключил внимание на оборотенессу, которая получила заслуженные аплодисменты за свой шикарный рывк. Ей хлопали и просили повторить на бис, пока не увидели Горана Горановича и ректора, вышедших из-за тяжелых черных занавесей на сцене.

– Дорогие ребята! – прокашлявшись, начала Лина Кимовна. – Мы все здесь собрались, чтобы начать новый учебный год, чтобы поздравить друг друга и войти в учебу с отличным настроением! Я рада вас видеть всех, отдохнувших за лето и таких радостных и повзрослевших!!!

Оборотенесса сорвала новые аплодисменты и отошла от микрофона, уступив место Аде Фурьевне. Та что-то вещала со сцены про планы и задачи Универа, про что-то еще, но ее речи традиционно не пользовались успехом у студенческого народа, поскольку все ждали выступления ректора.

Людвиг Батори несколько не изменился за год: все такой же строгий и собранный, с зачесанной назад волной черных волос и в наглухо застегнутом узком черном пиджаке, который вполне мог сойти за короткий плащ. Впрочем, этот вампир из древнего рода тридцатилетним выглядел и двадцать, и пятьдесят лет назад, приветствуя студентов в этом же зале. Возраст немолодых вампиров вообще читался только в глазах, а выглядеть старше двадцати лет вампир мог только тогда, когда сам этого хотел. Людвиг же явно хотел прибавить себе возраста и солидности, поэтому мрачно одевался и старался сохранять безучастное выражение лица.

– Я приветствую всех студентов нашего Университета в этих стенах! – начал говорить ректор резким голосом с металлическими нотками. – Носферон распахивает для вас свои двери, начиная новый учебный год, и все вы смотрите в будущее с надеждами и планами, все вы жаждете новых знаний, стремитесь жить в тайном мире согласно Конвенции и на благо темной стороны! Но сегодня наша темная сторона тайного мира сталкивается с серьезными вызовами. Все вы уже знаете, что в этом году запрещены бои вампиров и все мероприятия в нашем университете. Тем вашим семьям, которые проживают на территории Москвы, пришли уведомления с требованием покинуть свои дома и квартиры и поселиться в резервациях. Я прошу вас всех проявить сдержанность... Но в ответ зал так возмущенно загудел, что ректору пришлось прервать свою речь.

– Сдержанность... я бы врезал всем этим магам, которые собираются нами командовать, между глаз за запрет боев! – закричал вдруг Герка, вскочив с места. – Встречу хоть одного – точно врежу!

Влада вдруг испугалась, что у нее что-то случилось со слухом, – шум зала внезапно смолк, ректор Батори продолжал что-то говорить и объяснять, но его голос стал не слышен, будто между ней и всем залом встала ватная стена.

– Мы не договорили, темноглазая, – раздался из-за спины голос Бертилова. На Владу снова налетела зеленая вуаль, на этот раз более плотная, через которую едва можно было разглядеть силуэты сидящих вокруг ребят.

Влада вдруг рассмеялась, и Егор недоумевающее посмотрел на нее, подняв брови.

– Мне не везет. Я как раз хотела узнать, что скажет ректор про переселение в резервации и почему бал отменили. А мне так хотелось на бал...

– Плевал я на всяких магов и на балы с боями, – резко сказал тролль. – Но я скажу тебе то, что должен. Я долго думал обо всем этом, у меня было время, пока тут Носферон красил. В общем, это касается тебя и Муранова. Тебе нужно бросить его, Влада. Самой, сегодня. Я не могу тебе ничего объяснить, но просто поверь мне. Я в курсах, что у тебя с ним сегодня свидание, что ты признавалась ему в любви, когда болела...

– Откуда ты знаешь?!

Тролль полез в карман, достал оттуда исцарапанный планшет, потыкал в него пальцем и повернул, показывая страницу Инстаграмма. На аватарке можно было узнать хитроватую физиономию домового Дини Ливченко, который безвылазно проживал у Огневых. После того как его поймали за хулиганство, домовому светило наказание от магов, но после вмешательства Влады и ее деда наказание свелось к тому, что Диня обязан был навсегда поселиться в доме Огневых, не имея права его покинуть.

Около аватарки было написано: «БЛОГ ДАМОВО ВО ЛИВЧЕНКО. ЗАПИРТЫЙ В СИМЬЕ СВЕТЛАВО МАГА, ИСПАВЕТЬ НИЩАСНОГО».

– Блог? У нашего домового блог в Инете?!

– Еще какой блог, хотя в подписчиках пока я, ведьмобродие и Ацкий. Но он мечтает набрать в подписчики всех студентов Универа, а потом и всю нечисть вообще, – сообщил Бертилов, прокручивая экран, на котором мелькали фотографии с комментариями. – Во, смотри. Огневы завтракают, Вандер Францевич ругается с соседом, который обзывает его «козломагом» и захватчиком, Влада Огнева грустит, Влада Огнева переписывается с Гильсом Мурановым – что удалось узнать из переписки...

– Егор ткнул пальцем в экран. – Во жжет пацан. Особенно про то, как Муранов назначил тебе свидание сегодня, и ты перевернула всю свою комнату, когда искала помаду. Ацкий его лайкнул, кстати, за это.

Влада нахмурилась:

– Ливченко что, в Инете про меня все, что видит, треплет?

– Короче, вот откуда я знаю, – спрятав планшет, сказал тролль. – Но сейчас это неважно, потому что ты должна сама бросить Гильса. Сегодня ты просто скажешь Муранову, что он тебе больше не нужен. Влада повернулась к троллю, не веря своим ушам.

– Ты понимаешь, что говоришь? Да Гильс нуждается во мне, он же кровопийца теперь, ему будет трудно. Как он без меня-то?

– Отлично он без тебя, – огрызнулся Бертилов. – Просто поверь мне, что он без тебя прекрасно обойдется, но, если ты сегодня не сделаешь что я сказал, – случится беда. Влад, ты же умная девчонка. Ты гордая должна быть. Не бегай за Мурановым, уж поверь мне.

Влада молчала, поджав губы и прищурившись на тролля, на всякий случай проверяя, уж не морок ли сам Егор. Такие шуточки любили иногда выкидывать тролли – ребята с их факультета создавали временный фантом кого-то из студентов или преподавов, который, ошарашивая всех, начинал вытворять разные глупости, а потом с треском разлетался на зеленые брызги... Но нет. Настоящий Егор именно такой и есть – прямолинейный, когда речь идет о чем-то исключительно важном для него, и ехидно-насмешливый во всех остальных

случаях...

– Если тебе трудно решиться, я могу навести на тебя морок, – видя на ее лице смятение, медленно произнес Егор. – Сделать так, чтобы ты перестала думать про Гильса совсем. Стереть его из твоей памяти, не навсегда, конечно, на несколько дней. Вместо него ты будешь думать обо мне. Потом мы с тобой будем веселиться на вечеринке нашего факультета, а завтра начнутся лекции, и для тебя настанет совсем другая жизнь. Потому что есть я. – Егор положил руку ей на плечо, проникновенно заглянув в глаза. – Я никогда тебя не брошу, Владка, не отвернусь от тебя. Ты же знаешь, что такое клятва тролля.

– Ты просто краски надышался, – Влада повернулась к Егору и неловко убрала его руку со своего плеча. – Может, тебе выспаться?

– То есть это и есть твой ответ, – Егор прищурился, и в его глазах сверкнула обида. – Пойди проспись, значит. А когда с тобой случится беда из-за Муранова, я не смогу тебе помочь. И не беги тогда ко мне, я не жилетка. Я парень, а не жилетка, ясно тебе?! – Егор повысил голос настолько, что почти кричал, и даже сквозь плотный непрогляд и непрослух кто-то уже начал недоуменно оборачиваться и смотреть сквозь них, ища источник шума, который перебивал речь ректора.

– Угу. Но то, что ты сейчас сказал, это бред. Я ни за что не брошу Гильса, я ему нужна.

– Значит, мои слова для тебя туфта.

– Эти – да.

– Тогда ты просто не увидишь больше прежнего Егора, запомни.

Влада молчала, мечтая, чтобы этот тяжелый разговор как можно быстрее закончился.

– Давай потом поговорим... ты просто сейчас не в себе.

– Не будет никакого «потом». И когда Муранов тебя пошлет подальше, не беги ко мне.

– Подушка, Егор! Подушка, слышишь – подушка!!!

«Волшебное» слово сработало. Троль болезненно поморщился, побледнел и сжал переносицу, будто от сильной головной боли.

– Живи без меня, Огнева, – Бертилов встал со стула. – Давай, удачи...

Непрогляд слетел, и у Влады на несколько секунд померкло в глазах. Звуки вокруг снова стали громкими: все как раз начали хлопать ректору, который закончил свою речь. А вот Егора рядом уже не было. Зато его ржание слышалось где-то в передних рядах, троль что-то орал, обнимая сразу и Тановскую, и какую-то растерянную первокурсницу одновременно.

Влада мельком взглянула на Гильса – тот даже не заметил того, что Влада успела, сидя с ним рядом, получить признание в любви и разругаться с троллем, а продолжал смотреть на сцену. В полутьме четко обрисовывался его хищно-красивый профиль, нос с горбинкой, чуть прищуренные глаза, будто слова ректора забавляли его.

На сцену поднялся Ганц Готти, староста вампирского факультета.

– Сейчас мы должны вспомнить одного студента, – объявил Ганц. – Наш однокурсник и просто замечательный парень Арман Суморок погиб этим летом. Его убили светлые поганым осиновым обрубком. Давайте помолчим и вспомним его, ребята.

В зале на минуту воцарилась тишина. Гильс неожиданно встал, и весь вампирский факультет, как по команде, сделал то же самое. Влада тоже поднялась с места, вдруг подумав, что Арману все это понравилось бы.

Лина Кимовна громко сморкалась в платочек, у некоторых девочек глаза были на мокром месте.

– А тепереча внимайте мне и словесам моим! – вдруг визгливо завопил Буян Бухтоярович, вскакивая на ноги. – Предсказываю приход властелина темных к новому году грядущему! Явится в пределы наших, и темные все падут пред страшным ликом евоим! Завтра же ждите знамения злосвета, дабы оно закроет светило полуденное! Собирайтесь, отроки, и бегите из колледжума...

– Ну вот и еще один параноик, – пробормотала Влада, которой захотелось вдруг заткнуть уши.

Зал дружно выдохнул, но смеяться не стал, хотя домовый продолжал истошно орать.

– Ребята, теперь все по общежитиям! – зазвенел в ушах голос Лины Кимовны, которая пыталась перекричать Буяна Бухтояровича. – Фобос Карлович, помогите мне вывести Буяна Бухтояровича, пожалуйста! Ему нужно в медпункт, я думаю. Как же так можно, это же безобразие...

Ребята, потеряв интерес к домовому, начали движение к выходу, топая ногами и галдя на все голоса.

– Огнева, в два часа около столовки, – напомнил Гильс, и Влада радостно кивнула, сразу же отбросив все страхи и сомнения.

Вечернее обустройство в спальне общежития проходило весело: девчонки, будто компенсируя несостоявшиеся танцы, бесились, с визгом перекидываясь подушками. В комнате теперь было на двух девчонок больше: кроме троллихи Тановской, болотной кикиморы Жанны Болотовой, кикиморы Лизы Маркиной и валькирии Юли Красавиной, тут поселилась парочка новеньких первокурсниц. Обе были традиционно влюблены в Гильса Муранова и тут же принялись расспрашивать о нем всех подряд, тараща глаза на Владу, поскольку она сидела рядом с ним в актовом зале.

Влада, не поддавшись на расспросы, раскладывала вещи, застилала кровать, раскатав валик матраса и стараясь унять дрожь в руках от злости и на Ливченко, и на Бертилова.

Отвратительным было то, что домовый подглядывал за ней, фотографировал все, что у них происходит в доме, и потом выкладывал это в Инстаграмм, да еще

и с комментариями.

«Неблагодарная домовая свинья, зачем только спасала его, чтобы теперь он трепался обо мне всем подряд! Подписчиков он собирает, дрянь. Вот позвоню деду и попрошу его отключить Инет...»

Но больше домового ее взбесил тролль. Это было самое неумелое и кошмарное признание в любви, которое можно было себе представить. Бертилов склеил ей ботинки, заставил валяться в проходе зала, потом навесил на нее купол непрогляда, когда она сидела рядом с Гильсом! Предчувствия у него, видите ли, нехорошие по поводу нее. Вот какого черта он нес всю эту ерунду, неужели чтобы испортить ей сегодняшний прекрасный вечер и первое в жизни свидание?

И все это с такими зелеными и проникновенными глазами. Влада на секунду вдруг осознала, что не так давно Егору исполнилось шестнадцать, и рано или поздно он все-таки решит найти себе девчонку. Не будет же он один, когда почти все парни с их курса с кем-то встречаются или флиртуют. Например, староста вампирского факультета Ганц встречается с валькирией Юлькой Красавиной, Ацкий сегодня в актовом зале откровенно приставал к фурии Синициной, и даже гоблин Йорг, со своим длинным носом, был замечен гуляющим с одной из кикиморпервокурсниц. А ведь все они по сравнению с Бертиловым совсем не красавцы. За лето тролль подрос, раздался в плечах, а уж как по нему Тановская ходит с ума, можно даже не вспоминать. Как же не хочется терять его, но не разорваться же надвое! Ведь стоит только поманить Егора, намекнуть, и тот ринется к ней. И будет все то, что Влада с завистью наблюдала у других парочек: объятия, поцелуи, свидания, записочки на лекциях...

Влада злилась и на себя за то, что вообще позволяет себе такие мысли про Егора, когда у нее есть Гильс. Постепенно мысли о тролле отлетели, и их место заняли совсем другие, приятные, тревоги.

Как одеться на свидание? Может быть, надо было привезти с собой из Огоньково платье или надеть не джинсы, а короткую юбку? Накраситься, сделать прическу?

«Я ведь не кикимора, – одернула себя Влада. – Краситься и завиваться не буду, но надену юбку вместо джинсов. Я же не мальчишка постоянно в джинсах

ходить, а тем более на первое свидание. И еще надо надеть блузку с короткими рукавами, а не с длинными. И туфли на каблуках, а не кроссовки. Все-таки интересно посмотреть, как среагирует вампир на мою кожу. А если прямо сегодня попросит моей крови, если голоден?»

При этой мысли дышать захотелось в пять раз чаще, хотя перед глазами все еще маячила хмурая физиономия Бертилова с его предостережениями. Владу отвлекла от мыслей влетевшая в голову подушка.

– Огнева, мы о парнях говорим, а ты чего отмалчиваешься, как рыба? – донесся голос Болотовой. – Ты, наверное, думаешь о чем-то высоком и неземном?

– О квантовой физике, – отмахнулась Влада, броском возвращая подушку обратно и вытаскивая мобильный, чтобы еще раз взглянуть на часы.

Глава 3

Мертвые астры

Шаги гулко звучали по коридору, и Влада отчаянно дрожала в блузке с короткими рукавами, стараясь не навернуться на непривычных каблуках. В Носфероне даже в сентябре промозглый холод, все-таки он отодвинут от реальности на какие-то доли градуса, и тепло с трудом проникает в него только в последних числах мая. Зря не надела свитер, который так и остался висеть на спинке стула около кровати.

Гильс стоял у окна возле столовой, держа в руках внушительный букет астр. Влада замедлила шаги, вдруг испугавшись этого букета. Как-то нервирует огромный куст, завернутый в целлофан.

– Люблю астры, – весело выдохнула она, подходя ближе и стараясь унять дрожь.

– Открытая блузочка и мурашки на коже – это новая мода у девчонок или попытка спровоцировать кровопийцу? – насмешливо заметил вампир, оглядывая Владу с ног до головы.

Ну вот ее и расшифровали, стоило допустить всего одну ошибку. Гильс сразу понял, что в таком виде она пришла на свидание, чтобы смутить его, помня о том, каким он теперь стал. Влада улыбнулась и пожала плечами, проклиная предательский озноб, который не отпускал с самого лета.

– Как ты себя чувствуешь после... ангины? – Вампиру, наверное, пришлось произнести это слово первый раз в жизни.

– Здоровой. Кстати, я видела, как ты сегодня на байке летел мимо автобуса. Зачем ты так гоняешь?

– Воспитываешь, – Муранов слегка улыбнулся, приподняв уголки губ. – Если бы я реально гнал, ты бы не успела меня заметить.

Они снова оба замолчали, только целлофан под пальцами Гильса неловко хрустел в тишине.

– Прирос к этому кусту, Муранов?

– Тебе.

Вампир протянул ей астры, и они оказались неожиданно увесистыми, одарив волной цветочного аромата. Нет, все-таки нормальный букет был бы раз в десять меньше.

– Ты долго болела, – голос у Гильса стал какой-то напряженный. – Как ты сейчас, в норме?

– Ты меня уже в третий раз спросил, – Влада растерянно улыбнулась, но не увидела на его лице ответной улыбки. – А ты сам... как?

– Я думал, что будет хуже, но, видимо, я сильнее, чем думал. Ну уж месяц-то я точно еще продержусь на соленой воде. Потом потянет на кровь. – Гильс

улыбнулся, и в полутьме блеснули его белоснежные зубы.

– Отлично. Значит, через месяц я буду нужна тебе, – с решительной радостью выдохнула Влада. – Ты должен знать, что я буду поддерживать тебя всегда, и... я, в общем... не думай, что я забыла...

Признание захлебнулось в смущении, и Влада замолчала.

Вампир тоже молчал, и это молчание как-то очень затягивалось, будто он подбирал подходящие слова. Из столовой доносились голоса и веселье отдаленной вечеринки, но Владе казалось, что ее учащенное дыхание и буханье сердце слышно на весь Носферон.

– Ты замечательная девчонка, Влада, – наконец произнес Гильс. – Я знаю, как ты относишься ко мне и что ты чувствуешь. Поверь, я это очень ценю и помню, что ты дважды спасала мне жизнь.

– И... зачем сейчас об этом вспоминать?

– Ты дважды спасала мне жизнь, а я чуть было не обратил тебя в вампира. Чуть не разорвал на куски, в такой был в ярости из-за нашей ссоры.

– Гильс, давай не будем вспоминать об этом? Даже если ты меня обратишь, значит, это моя судьба.

– Нет, – Гильс покачал головой. – Нет, так не пойдет. Ты останешься для меня самым лучшим другом. Только другом.

– Другом... – Влада повторила это слово, как эхо. – Я не очень понимаю... что это значит.

– Влада, два месяца назад я бился с Арманом, который отдал жизнь, чтобы спасти тебя. И я дал ему слово, что сделаю все, чтобы не навредить тебе, не обидеть. А жизнь поворачивается так, что я могу только причинять тебе вечную боль. Не сейчас, но в будущем.

– Да какое мне дело до будущего?! Сейчас, мы живем сейчас!

– Мне есть дело.

– Ты это сейчас за меня решил, насчет моей вечной боли и будущего, или раньше? Почему же раньше не говорил ничего?!

– Я знал об этом давно, но сейчас все иначе, – тихо произнес Гильс. – Все стало иначе, потому что ты снова пожертвовала собой ради меня. Знаешь, я хочу, чтобы за этот год мы с тобой стали друзьями. Потому что будем учиться вместе, ходить на лекции, встречаться в столовке каждый день.

– И ты назначил мне встречу, чтобы сказать вот это?..

– Да. И ты должна узнать обо всем первой. Не от кого-то другого, а от меня. То, что я принял решение найти себе человека. Мне как вампиру будет нужна кровь.

– Погоди... я не понимаю. Найти человека... А я?

– Я уже сказал, что мы с тобой научимся быть друзьями. Но у меня будет другая девушка.

Сказанное не сразу дошло до сознания Влады, и она изумленно поглядела на Гильса, решив на секунду, что он шутит. Но Муранов был серьезен, даже слишком.

– И ты уже нашел... эту другую девушку?!

– Нет, но сделаю это в ближайшее время. Потому я и решил сказать тебе, чтобы это не стало сюрпризом.

Когда не знаешь, что ответить, то лучше просто молчать. Не получалось даже выдавить улыбку или сделать беззаботное лицо.

– Если хочешь, разозлишься или ругайся на меня, может быть, так будет лучше, – голос Гильса донесся до нее будто уже из другой вселенной.

Мир проваливался в бездну, хотя ноги продолжали стоять на каменном полу. Оказывается, можно умирать и так, стоя и держа в руках букет цветов. Тело живет, а ты умираешь.

– Гильс! – кликнул его появившийся из-за поворота Денис Холодов. – Ну чего, идешь? Вечерунга начинается...

Вампир махнул приятелю рукой, но остался стоять на месте, глядя в ее лицо, будто ждал, чтобы она сказала что-то в ответ. Или чтобы разрыдалась и начала умолять не бросать ее.

– Иди, Муранов.

– Ты в порядке?

Казалось, Гильс был удивлен ее реакцией.

– Конечно. Лучше не бывает. Пожалуйста, просто сейчас уйди, и все.

– Окей.

Гильс зашагал прочь, но через несколько шагов все же обернулся, поотстав от приятелей, и остановился, выжидающе глядя на нее. Проверяет, не грохнулась ли в обморок от рыданий, что ли?

– Я в полном порядке, уходи!

Когда воздух снова смог попасть в легкие, Гильс уже догонял толпу своих приятелей, а Владе оставалось лишь смотреть, как удаляется пружинящей походкой фигура в черной футболке. Голоса вампиров звенели вдалеке, громко обсуждая, какого-растаккого им отменили бои и как теперь протестовать. Герка при этом кричал, перебивая всех, что тоже хочет мотоцикл, как у Гильса, и тот обстоятельно рассказывал, какой лучше выбрать.

Как он может быть таким веселым и обсуждать мотоциклы, когда только что расколотил ее жизнь вдребезги?!

Влада с усилием заставила себя дышать и, пошатнувшись на каблуках, сбросила туфли. Босиком лучше – промозглый каменный холод проникает в ступни, это сейчас даже хорошо. Почему-то сейчас, чем холоднее, тем лучше.

Он собирается найти другую девчонку и сделает это в ближайшее время. В Москве так много похожих на нее девушек – лет по четырнадцать-пятнадцать, стройных и темноволосых, симпатичнее ее, красивее... многие из них даже носят ее имя... Проблем с поиском у парня, обладающего внешностью, которая природой предназначена заманивать девушек, не будет. Найдет, можно не сомневаться.

А что остается ей?

Влада брела по коридору, вдруг поняв, что вернуться в спальню не может. Слез не было ни капли. Было полное опустошение, будто Гильс только что убил ее, и сейчас она, как призрак, шла по коридору, вспоминая свою прошлую жизнь. Откуда в Гильсе такая чудовищная жестокость? Он ведь не понял ее боли, не представил себе ни на миг ее ужас.

А ведь впереди целый учебный год, и весь год она будет видеть его, сталкиваться с ним на лекциях, в коридорах, в столовой.

«Ты останешься для меня самым лучшим другом». Это прозвучало как оплеуха, хотя ни капли оскорбления или насмешки в его словах не было.

Он боится причинить ей боль в будущем, видите ли, и поэтому отвергает. Какая забота о ней, он помнит все, что она говорила, надо же!

Влада, разумеется, тоже помнила все свои несдержанные и горячие слова. Переписка по скайпу с Гильсом длилась несколько недель, но он отшучивался и отвечал на ее сообщения очень сдержанно, а вот она... Общась по Интернету, легко и просто пишешь многое, что не можешь произнести вслух. Легко откровенничаешь, особенно учитывая что температура у Влады иногда подскакивала до тридцати восьми, и пальцы печатали то, о чем температура тридцать шесть и шесть потом заставляла мучительно сожалеть. Во всяком случае, вспоминая свои фразы: «не могу без тебя», «ты для меня все», она теперь хотела умереть от стыда.

А еще от нее отвернулся Егор. Отвернулся, и правильно сделал, потому что она вела себя как идиотка. Нагрубила ему, произнесла слово, которое он ненавидит, вместо того чтобы прислушаться к его словам. Она летела, как мотылек на свет, устремившись за Гильсом, который поманил ее пальцем. А теперь – разбившись о преграду, падает вниз.

Послушалась бы Егора – и сейчас бы все было иначе. Эх, Егор, а ведь ты был прав, будто действительно все знал заранее и хотел защитить от такого удара. А еще тролль был прав в том, что первым ее порывом будет ринуться к нему и выплакаться, как в жилетку. Только вот она уже пообещала, что этого не сделает.

Стоять в коридоре в одиночестве было невыносимо, Влада испугалась, что сейчас просто сойдет с ума. А может, надеть куртку и сбежать сейчас из Носферона? Бродить по Москве, вляпаться в неприятности, привлечь к себе внимание... Глупо, жалко, слишком ничтожно для нее.

Вестибюль, статуя основателя Универа посередине, маячивший где-то у проходной Буян Бухтоярович крутились перед глазами в каком-то безумном шаманском танце, в ногах была слабость, и они сами принесли ее в гардероб. В Носфероне он напоминал лабиринт, до конца которого Влада никогда не ходила.

Теперь же с каждым поворотом от вешалок с куртками и плащами становилось все темнее и теснее. Пол под ногами почему-то стал мягким, Влада, спотыкаясь, брела, раздвигая руками гроздь шарфов и вампирских пальто, острые воротники которых больно хлестали по щекам.

Что ж, заползти в самый темный угол Носферона и замереть без движения сейчас было лучшим вариантом.

Иногда в жизни наступает минута, когда существовать так, как раньше, становится невозможно. словно подходишь к краю пропасти и даже понятия не имеешь, что ждет за этим краем.

Но ведь должно же быть какое-то спасение от этого беспросветного ужаса и безнадежности! Где же оно? Где ее способности, которые приводили в ужас светлых магов? Она может проникать в память предметов, как это может ей

помочь?

«Мне нужно справиться с отчаянием, или я умру, – Влада чувствовала, что ее лихорадочно колотит. – Справиться с отчаянием, или я умру. Эх, папа! Ведь ты был вампиром, во мне половина твоей крови. Ты был веселым и жестоким, тебя никто не бросал, как бросили меня сейчас...»

– Как бросили меня сейчас, – Влада услышала свой собственный шепот в темноте. – Не знаю, как жить дальше.

Казалось, что ее вышвырнуло в открытый космос, и она замерзает в его вечном холоде, превращаясь в ледышку. Гильса в новой пустоте ее жизни уже не было, а букет, его подарок, так и оставался в руках, издевательски шурша целлофаном. Опустившись на пол, заваленный брошенными куртками и шарфами, Влада отшвырнула в сторону обертку, сжав несчастные астры так, будто они знали все ответы и просто не хотели их выдавать. Цветы мялись под пальцами, их горьковатый тонкий аромат щекотал ноздри, будто успокаивая, утешая и уверяя, что они-то, астры, ни в чем не виноваты...

Странно, но уже через минуту ей стало легче жить на свете. Отчаяние, которое не давало дышать, ослабило железную хватку, отпустило.

Минуты тянулись и тянулись, пока в вестибюле не послышались голоса, возмущенные вопли Буяна Бухтояровича и хлопанье крыльев.

– Ногами идтить надобно, ироды, а не виться тут, яки мошкара всепротивная! Кыш отседова, вон пошли! Кафтаны вешать надобно, а не швырять аки свинтусы! – завопил охранный домовый где-то в глубинах вестибюля. Смех и хлопанье крыльев приблизились, и Влада оторвала лоб от колен.

Из-за курток вылетела стая валькерров. Не обращая на нее никакого внимания, они принялись разматывать шарфы со своих шей и швырять их прямо на пол.

Теперь можно было не сомневаться в том, кому принадлежит дальняя часть гардероба и валяющаяся на полу одежда.

– Приветище, сонц! – радостно завопил Ацкий, который одной рукой держал коробки с пирожными, а другой пытался содрать с себя ветровку, изворачиваясь, как уж на сковородке. Сняв куртку, он швырнул ее на пол рядом с остальными и провозгласил: – Рожденный летать куртки на крючки не вешает! Что, сонц, тебя обидел кто-нибудь?

– Я просто захотела повесить куртку в незнакомое место, – лягнула Влада первое, что пришло в голову.

– О-о-о, – Ацкий обрадовался. – Это мне знакомо, жажда нового! Я однажды до стратосферы долетел – так было интересно, смогу ли в космосе находиться! Прикинь, крылья обледенели, а так бы, может, и до Луны бы добрался, веришь, сонц?!

– Верю. – Влада смотрела на такого жизнерадостного и счастливого Ацкого, не понимая, как это возможно в принципе – смеяться, хотеть чего-то, летать и собираться есть пирожные.

– Все, заметано, на Луну слетаем, когда в космосе будет весна, – заржал валькер, протягивая Владе руку и помогая подняться с курточного холма. – А что же Бертилыч тебя не позвал на тролльскую тусню? Ты около деканата к стенкам не прислоняйся, которые он красил, тебя предупредили? Кстати! – спохватился вдруг валькер. – У нас же тут вечеруха наметилась в столовке по случаю четвертого курса на Валькирусе. У вампиров тоже в общаге веселье, там Мураныч на полную катушку отрывается.

– Отрывается, значит... – повторила Влада, чуть было не скатившись снова в холодную яму, но вовремя удержалась на самом краю.

– Да и тролли тоже не спят, у них там веселье, Бертилов с Колынованом зажигают. А ты тут одна торчишь, как эмо какое-то с мусором в руках, – добавил валькер. – Давай с нами, в столовке развеешься... Пшли?! Когда валькер сказал про мусор, Влада посмотрела на то, что держала в руках. Букет дышащих свежестью астр увял, потеряв яркие краски, будто умер вместо нее. С колен на пол рассыпались засохшие ветки и лепестки.

– Давай мотать отсюда быстрее, – валькер окинул взглядом мусор на полу. – Сама знаешь, какая ранимая и нежная душа у нашего убормонстра...

– Пошли на вечеринку, – Влада, вдруг ощутив странный прилив сил, протянула руки. – И давай мне половину коробок, ведь уронишь же сейчас.

Глава 4

Злотмение в столовой

Под утро Влада замерзла и, проснувшись, дрожала под одеялом, поджав ноги. К тому же желудок напомнил, что вчера она так и не поела, и предательски возмутился, требуя завтрак.

Несмотря на обилие эклеров, буше и суворовского печенья, которые с удовольствием трескали кикиморы и валькирии, на вчерашней вечеринке она ничего не ела и даже не пила жуть-колу, которую так любила раньше. Она смеялась, флиртвала с Ацким, даже весело обсуждала с кем-то выступление Буяна Бухтояровича в актовом зале, но при этом будто видела себя со стороны. Настоящая, реальная Влада все еще продолжала сидеть, скорчившись, в самом дальнем конце гардероба, замерев от нанесенного ей удара и не зная, что с ней будет дальше. Настоящая Влада даже не плакала, потому что это было страшнее слез, будто в сердце ей сделали укол лошадиной дозы анестетика, и она перестала на какое-то время чувствовать... и жить.

Вчерашний день теперь казался сном, который хотелось забыть, и каждое воспоминание о словах Гильса причиняло такую боль, что хотелось просто выпрыгнуть из тела и сбежать куда глаза глядят. Единственное спасение – как можно быстрее оказаться в аудитории, взять в руки авторучку, открыть конспект и окунуться с головой в учебу. Окунуться так, чтобы не выныривать, стать кошмарным синим чулком и защитить кучу диссертаций по нечисти, годами не вылезая из душной библиотеки Носферона... По расписанию первой утренней парой была история тайного мира, которую вела Ада Фурьева, и Влада сначала отправилась в полупустую библиотеку, чтобы получить учебники на весь учебный год, а потом сразу пошла на лекцию, решив

не заходить в столовую на завтрак.

В аудиторию, где ожидала студентов Ада Фурьевна, Влада зашла первой, достала чистую тетрадь для конспекта, аккуратно подписала ее, открыла на последней странице и принялась по привычке черкать авторучкой, рисуя первое, что приходит в голову. Обычно в результате у нее выходили портреты однокурсников, смешные шаржи на Тановскую, Йорга или же лицо Гильса, которое она потом обязательно заштриховывала так, чтобы никто его не узнал. Но в этот раз на странице сам собой появлялся непривычный рисунок: стол, занавески, окно, распахнутое настежь во двор...

«Да это же моя комната в старой квартире на Садовой!» – Влада удивилась, с чего вдруг ей пришло в голову рисовать свою комнату. Рука тщательно вывела детали интерьера, даже календарь с Петропавловской крепостью на стене, потом густо заштриховала небо в окне, оставив нетронутым круг огромной луны, нависшей над крышей дома напротив. Чего-то не хватало в этом рисунке, будто в нем был скрытый, неясный сейчас смысл. Почему-то Влада была уверена: это ее комната до того, как она узнала о тайном мире, до того, как ушла из школы и уехала учиться в Носферон. Подсознание иногда выкидывало с ней всякие фокусы, особенно в моменты, когда надвигалась беда. Это называлось обостренной интуицией, которая досталась ей от матери. Но если Ольга Огнева могла предвидеть многие события как маг, то Владе досталась лишь тень этих умений: она просто ощущала приближение беды. И сейчас интуиция подсказывала, что нужно дорисовать еще какую-то деталь в этом рисунке, очень важную.

Влада нехотя продолжала черкать на листке, потом зачем-то нарисовала на крыше дома напротив силуэт кота. Кот был смешной, с выгнутой спинкой и растопыренными усами, но нет, это было не то, совершенно. Думать о том, что же там должно быть, вдруг оказалось так же мучительно, как пытаться посреди дня вспомнить улетевший сон.

В конце концов, когда Влада, потеряв терпение, решительно выдрала страницу и уже долго комкала ее в пальцах, аудитория зашумела, наполняясь голосами.

– Хай, Огнева! – весело поприветствовал ее Гильс, топя с приятелями на дальние парты (любой препод традиционно не видит, чем занимаются расположившиеся там студенты). Владе пришлось беззаботно кивнуть в ответ, но смотреть на вампира ей сейчас совсем не хотелось.

– Муранов, вы сидите не на галерке, – веско предупредила Ада Фурьевна. – Сядете там, где я буду вас видеть. Вы теперь на особом счету.

Гильс пожал плечами и хлопнул сумку на стол, который тянулся по левую сторону от Влады. Между ним и Владой сидело еще около десятка студентов, так что, повернув колпачок хромовой авторучки, можно было разглядеть, как в маленьком зеркальце: Муранов кидает из сумки на столе учебники и конспекты, выгребает ручки и карандаши... веселый, беззаботный, такой, как всегда.

В этот момент Ада Фурьевна громко захлопнула дверь аудитории за последним вбежавшим студентом, которым оказался вурдалак Федька Горяев, и зацокала каблуками к преподавательскому столу.

– Итак, ребята, поздравляю вас с первой лекцией в этом учебном году! – провозгласила она. – Если кто-то еще не знает, у нас произошли некоторые изменения. Замректора нашего университета теперь я – это раз. Во-вторых, история тайного мира, которую вы изучали в прошлом году, теперь заменена на современное тайное мироустройство.

Этот предмет мы с вами будем проходить теперь более подробно и детально, рисовать схемы и писать рефераты. Последние ряды, где гудят некоторые товарищи, попрошу тишины. Герман, что вы руку тянете?

– Ректор нам сказал вчера, что из-за угроз магов нам отменили бои вампиров и бал. Мы будем писать протест! – звенящим от возмущения голосом заявил Герка.

– Запрет боев и бала вызван форс-мажорными обстоятельствами, – сухо ответила Ада Фурьевна. – Протест можно принести в деканат, но это ничего не изменит. Я повторяю для вампирского факультета отдельно – ничего не изменит.

По рядам вампиров прокатился недовольный ропот, но фурия поверх очков провела по ним острым, как бритва, взглядом.

– Но ведь мы же имеем право узнать, какого черта происходит? – поднял руку Гильс Муранов. – В прошлом году вы, Ада Фурьевна, нам рассказывали,

что маги – это светлая сторона, что они держат баланс в мире, защищают от стихийных бедствий, от войн... и прочую туфту. Короче, что они белые и пушистые. Но ведь мы, темная нечисть, никого не трогаем, только и заняты, как бы самим выжить с этими паршивыми порогами, кругами и домовым правом. Так какого черта, чем им помешали наши студенческие балы и бои?

– И что за пургу гонят про то, что нам надо убираться из Москвы и бежать в резервации? – подхватил Герка. – Ректор вчера вообще ничего не стал объяснять, может, вы расскажете, Адфурьевна?!

– Мы летом встречались с ихними светлыми магическими стажерами, – снова встрял Герка. – Подонки они еще те! Угрожали нам, сами лезли в бутылку...

– А когда мы напомнили про Канву... то есть Конвенцию, так они заржали и сказали: ваша канва-веревочка, ей скоро конец, и вам, нечисти, типа, тоже... – басом добавил Колыванов.

– Ага, Адфурьевна, как вы это нам объясните? – поддержал ребят Гильс Муранов.

Вопрос повторило множество голосов в атриуме. Влада поморщилась, приготовившись к пронзительным воплям фурии и возможным ядовитым плевкам: та ненавидела, когда ее перебивали на лекциях, и тем более когда ей возражали. Но Ада Фурьевна на этот раз повела себя очень странно и кричать почему-то не стала.

– Успокойтесь и сядьте, Герман! – громко приказала она. – Я не собираюсь отвечать на эти вопросы, это не входит в программу лекции! Не входит! – отчеканила фурия, сверкнув глазками, и аудитория постепенно затихла, недовольно перешептываясь.

– А у нас в Пестроглазово все домовые в один голос твердят, что Тьма открывается и будет конец света, – поднял руку Отто. – Вы что-нибудь знаете об этом, Ада Фурьевна?

– Я не собираюсь обсуждать на лекциях сплетни и паранойю домовых, – оборвала Йорга фурия. – Если еще раз, Йорг, вы меня перебьете, то я выгоню вас из аудитории.

Гоблин со смешком пробормотал что-то, и Владе удалось расслышать лишь, как он пожелал оказаться на минуту Гильсом Мурановым, которому «все сходит с рук».

– Итак, тема сегодняшней лекции – современное устройство тайного мира. Как вам уже известно, весь тайный мир разделен на две стороны – темную, нашу, и светлую. Мир стоит на скрепах Конвенции, которая является самым главным сводом законов. Она как фундамент, на котором стоит здание, в котором мы все, жители тайного мира, обитаем. В прошлом году мы прошли с вами домовое право, которое контролирует жизнь нечисти, дневное право, которое запрещает людям видеть тайный мир и знать о нем, а также коснулись магического права. Кто из вас может в нескольких словах напомнить всем основные положения Конвенции?

Влада быстро подняла руку, и фурия кивнула, жестом разрешая ей ответить.

– Домовое право ограничивает права нечисти на земле, дневное запрещает людям знать о тайном мире, а магическое право запрещает светлым магам убийства, иначе они теряют свои магические силы, – ровным и уверенным голосом сказала Влада. Пусть Гильс знает, что она не убивается по нему, а по уши погрязла в учебе.

– Правильно, Огнева, – одобрила Ада Фурьевна. – Я рада, что хоть кто-то после лета помнит Конвенцию. Когда-то давно между магами и нами, нечистью, шли жестокие и беспощадные войны, которые вы проходили по истории, но теперь мы просто разделены на две стороны, которые соблюдают нейтралитет и подчиняются Конвенции. Итак, вы уже знаете, что Магиструм находится в Москве, в ее центре, около Черниговского переулка, и оттуда магические семьи правят миром. Правительства всех стран мира полностью подконтрольны магам, – продолжала Ада Фурьевна, – можно сказать, что управляются ими, к тому же по всему миру действует светлая полиция и патрули, которые следят за выполнением Конвенции. Что касается людей, то на них дневное право воздействует без сбоев: стоит человеку переступить порог восемнадцати лет, как оно вступает в силу до конца его жизни. Человек продолжает жить, ничего не зная о тайном мире, нечисти и магах. Что же касается нечисти, то нами управляет Темный Департамент, который имеет представительства во многих странах мира...

Фурия читала лекцию долго и размеренно, Влада записывала старательно, как первоклассница, и мысленно издеваясь сама над собой. Да уж, ее конспекты за этот год, наверное, можно будет выставлять в музее. «Посмотрите на суперпочерк девушки с самым разбитым сердцем»...

– Темный Департамент, в свою очередь, управляется Темнейшим, который принимает важнейшие решения, решая судьбу всей темной стороны при наступлении критических ситуаций...

– Ух ты, – не выдержал Герка. – А я думал, что Темный Департамент самый главный у нечисти. А получается, над ним есть еще и президент. Лихо! А где он живет?

– Говорят, Темнейший этот в подземельях живет, – отозвался синеглазый оборотень Стас Василевский с галерки. – Типа нашего Тетьзина монстр, только еще похуже. Он древняя нечисть, на свет не выползает.

– Кто говорит-то? – спросил вдруг Гильс, потягиваясь и распрямляя плечи. – Опять агентство ДэЗа, домовые в зловоротнях?

– Здесь лекция, я не балаган, факультеты! – прикрикнула фурия. – Темнейший управляет нашим Департаментом, и по учебному курсу это вся информация, которая о нем доступна. Запишите, что под управлением Темного Департамента существует еще масса организаций, – Ада Фурьева нетерпеливо постучала указкой по столу. – Это Совет Домовых, который находится на Тверской улице, Попечительский совет над бездомными домовыми, Всемирная ассоциация троллей, Союз оборотней, Совет летучей нечисти... Ну что там еще за шум?

В коридоре слышались шаги, дверь распахнулась, и в аудитории появился сонный и хмурый Егор. Тролль был лохмат выше привычной нормы, зеленая мятая рубашка на нем сидела криво, а нижняя губа упрямо выпячена вперед, будто он уже приготовился к скандалу.

– Ваша рубашка застегнута не на те пуговицы, – гневно ткнула в него пальцем Ада Фурьева. – Где вы валялись ночью, Бертилов?!

Аудитория радостно захихикала, только Инга Тановская помрачнела.

– Он спал в тех краях, где нет подушек, – сострил Отто Йорг. – В общагу даже не заходил, бродяга.

– Захлопнись, – посоветовал ему Бертилов, шмыгая носом и пытаясь пригладить пятерней волосы.

– Садитесь, не мозольте тут глаза, позорище.

Фурия принялась быстро писать мелом на доске, а тролль, отпихнув Колыванова и Зеленовского, плюхнулся на скамью и начал копаться в своих вещах, пока не извлек нечто помятое, принявшее форму конспекта только после нескольких ударов кулаком. Авторучек у Бертилова не нашлось, зато целый ворох обкусанных карандашей с грохотом покатился по столу. Маркина гневно оттолкнула их, кто-то пихнул их еще дальше, и карандашная лавина пронеслась по столу, сметая все на своем пути, а потом ринулась обратно, как волна.

– Обалдел, Бертилов?! – завопила Маркина, когда целый вал карандашей спикировал к преподавательскому столу и остановился у подошв Ады Фурьевны, будто разбившись о подножие маленькой и очень злобной скалы.

– Запишите тему реферата, – ледяным голосом произнесла фурия, показывая на доску, где красивым почерком было выведено: «Моя семья и ее место в тайном мире». – Каждый пишет о том, чем занимается его семья, и как она интегрирована в тайный мир. Можете написать и о своих предках. Если они участвовали в войнах с магами, нужно будет рассказать об этом подробно. Вы напишете, как они сражались, кто погиб, а кто выжил.

– Мне кажется, или нас к чему-то нехорошему готовят? – недовольно пробормотал Марик Уткин, поправляя очки на носу. – У меня вообще из предков никто не сражался, упыри всегда прятались по норам и углам, это абсолютно нормально. Чего мне писать-то...

– Бертилов, а вам за опоздание и хулиганство на лекции не пять страниц реферата о вашей семье, а десять!

– Да хоть сто про свою мамашу с ее канарейками накатаю, – буркнул тролль. – Напугали...

Зря он огрызнулся – меткий плевок фурии моментально достиг цели, но Егор даже не вскрикнул, лишь прижал ладонь к щеке, а на его загорелой физиономии заиграла нагловатая улыбочка. Фурия же, на секунду преобразившись в подобие змеи, которая ужалила жертву, моментально вновь приняла прежний облик, облизывая тонкие фиолетовые губы.

– Сенкс, Адфурьевна, – поблагодарил Егор с вызывающим видом. – Мне про моего предка Энгора писать, что ли? Боевой тролляка был.

– Ваш великий предок, тролль Энгор Сигурд Олаффурсон, сейчас бы он стыдился вас, глядя на ваш вид и поведение! – отчеканила преподша. – Хотите вылететь вон из университета, Бертилов?! Мало вам того, что вы летом натворили?

– А мне тоже писать реферат о моей семье? – громко выкрикнула Влада, прежде всего для того, чтобы отвлечь фурию от Бертилова и не дать ей разорвать тролля на клочки. – Ада Фурьевна, мне писать про деда, да?

– И мне? – гнусавым голосом тут же поинтересовался Федя Горяев, ковыряя карандашом в носу.

– Пишите, Горяев, пишите, – яростно кивнула Ада Фурьевна. – Все равно я ваш почерк не понимаю.

– Только готовый реферат надо будет герметично упаковать и не вскрывать, – прокомментировал Герка. – Ада Фурьевна, а мне всю правду о моей семейке писать? С магами-то они не особо ладили.

– Прочтешь мой реферат, и твои предки покажутся тебе белыми и пушистыми, – отозвался Денис. – Мои тоже воевали и кучу народа порешили в свое время.

– Ха, а мои... – начал было Игнат, но Ада Фурьевна громко застучала указкой по столу.

– Хватит мериться кровожадностью семей, вампирский факультет! Все это – наша история, и надо писать правду! Лекция закончена.

– Ада Фурьевна, у меня еще вопрос, – Гильс поднял руку. – Можно мне поменять тему реферата?

Влада удивилась, но фурия не завопила и не начала плевать в Муранова. Скорее наоборот, странно вжала голову в плечи, сняла очки и задумалась.

– Э-э-э... – Она прокашлялась, как-то нервно поправив прическу. – Пожалуй, Муранов, для вас будет другая тема. Вы напишете о правах вампиров в современном тайном мире.

– Большое спасибо, – с едва заметной иронией в голосе ответил Гильс. – Тогда по поводу прав вампиров: мне нужно отпроситься сегодня с лекций после обеда. Уважительная причина, Ада Фурьевна.

– Вот как, – фурия снова надела очки на нос. – Назовите ее, пожалуйста.

– Право вампира на своего человека и его кровь, – ответил Гильс. – Я перерожденный, у меня этого человека пока нет. Поэтому мне нужно выйти в город, и не слишком поздно вечером.

Влада, опустив глаза, начала рисовать очень злого кота прямо на записанных строчках, не соображая, что делает. Почти физически она ощутила недоуменные взгляды, которые бросали на нее ребята. Уж очень хорошо всем было известно, кто раньше был главным человеком для Гильса. И если Ада сейчас все-таки потеряет терпение и плюнет в него, будет очень хорошо, так ему и надо.

– Хорошо, я отпускаю вас, Муранов, – фурия поджала тонкие губы. – Но нужно будет отпроситься еще и у Горана Горановича. Кстати, сколько лекций вы собираетесь прогулять по этой причине?

– Девчонок в Москве море, до фига прогуливать, – весело высказался Гильс, и атриум моментально среагировал: сидящие вокруг Гильса ребята пригнулись и даже заслонились учебниками, уже готовясь к ядовитым плевкам, а остальные с любопытством вытянули шеи, чтобы это увидеть.

Ответ Гильса был наглостью, но Ада почему-то промолчала, лишь поджала губы. Влада сжала в пальцах ручку так, что та больно впилась в кожу ребристыми

боками. В висках запульсировала кровь, как будто сказанные слова вонзились в кожу острыми иглами. Если Гильс говорил все это намеренно, чтобы она его возненавидела, то пока не добился цели. Было только больно, но теперь эта боль была тупой, ноющей, а не такой острой и страшной, как вчера.

Народ повставал с мест и, спотыкаясь о бертиловские авторучки и карандаши на полу, потянулся на выход.

Столовая, которая наконец-то открылась после ремонта и перестановки, теперь выглядела иначе: отдельных столиков, как раньше, не было, зато через весь зал тянулись длинные столы, застеленные черными скатертями.

В буфете толпились ребята с подносами, и Бертилов тут же нагло вклинился без очереди, начав объяснять окружающим, как нужно выбирать салат, чтобы в нем не оказалось сюрпризов.

– В нашей столовке всякое бывает. Если из салата слышен храп, вот как сейчас, – тролль ткнул пальцем в тарелку, – то это означает, что там салатное лихо, которое лучше не будить...

– А какое еще лихо бывает? – явно подыгрывая троллю, глупо хихикала рядом с ним Инга Тановская, с любопытством глядя на вздымающиеся листья салата и кружки огурцов.

– Ну-у... Салатное, суповое, чайное, бутербродное... – Егор потрогал вилкой содержимое тарелки, и оттуда с диким визгом вдруг взметнулась сметана с нарезанными кубиками редиски. На Бертилова завопили девчонки, тролль традиционно получил со всех сторон подзатыльники, и по его физиономии можно было догадаться – его день прожит не зря. Влада мельком встретилась с ним взглядом: Егор, у которого на щеке теперь красовалось красное пятно от плевка фурии, увидав ее, быстро отвернулся и приобнял Тановскую за талию. Влада грустно улыбнулась: какой бы ни был Егор талантливый со своими сверхспособностями, но реакции отвергнутого парня в нем срабатывали безотказно.

Как и вчера, есть Владе не хотелось совсем, и она, собрав на поднос первое, что подвернулось под руку, сидела перед тарелкой, поглядывая, как тролли, валькеры и упыри за обе щеки наворачивают котлеты и пироги.

- Чего не ешь-то, - будто невзначай обронил Егор, сидевший неподалеку от нее.

- Боюсь найти в супе лихо, - отшутилась Влада, проводя ложкой по дну тарелки. Суп с макаронами в виде эмблемы Носферона выглядел очень впечатляюще.

- Лихо есть везде, в каждой вещи, - изрек философски Егор и принялся жевать сардельку. - Просто надо уметь его увидеть. Это не каждому дано.

- Пусть мне это не будет дано, ладно?

- Ладно, - согласился Бертилов. - Ешьте спокойно, дорогие товарищи.

- Эй, это ведь ты Огнева? - До плеча Влады кто-то дотронулся, и она обернулась, увидав протянувшуюся к ней пятерню вампира-старшекурсника, который сидел за столом позади нее.

- Допустим, что я.

- Это правда, что ты наполовину светлый маг?

Я про тебя слышал, еще когда в Твери учился.

- Я наполовину вампир. Все остальное неважно, - Влада пожала плечами, но старшекурсник не собирался от нее отставать.

- У нас трепались, что ты можешь Тьму открыть, реально можешь? - хмыкнул парень.

- Ну все, ты меня раскусил, - Влада улыбнулась и пожала плечами, отворачиваясь. Она успела заметить, что Егор напрягся, перестав хлебать суп.

«Нападут на меня сейчас приезжие, что, будешь в стороне сидеть?» - Влада бросила насмешливый взгляд на тролля, и тот как раз поднял голову, видимо решив все-таки вмешаться в происходящее.

– Есть еще такое особенное лихо, которое сидит за шиворотом у тех, кто решил понаезжать, – предостерегающе произнес Бертилов.

– Я не наезжаю, с чего вы взяли? – Вампир положил Владе руку на плечо. – Просто домовые паникуют, про то, что Тьма вот-вот откроется, постоянно треплются... сами же слышали. Про какого-то властителя злосвета... или Тьмы, который придет, объявит нам войну.

– Какой такой властелин Тьмы? – удивленно вытаращился Марик Уткин. – Первый раз слышу.

– Говорят, и все тут, – повторил вампир. – От домовых слышал, у нас в Твери такие слухи ходят...

– Если тот самый властелин это я, тогда... я прикажу балы каждый день проводить, с утра. А по ночам – бои вампиров, – отшутилась Влада.

– Ну понял, понял, сглупил, – приезжий вампир сам заулыбался. – Извини, симпатяшка, ошибся. Все-таки, если ты наполовину маг, наверняка на тебя кто-нибудь наезжает в Носфероне по этому поводу. Если понадобится... обращайся. Меня, кстати, Костя Воронцов зовут.

– Спасибо, но я справляюсь, Костя, – Влада мягко убрала руку вампира со своего плеча. Это был уже второй парень за сутки, который предлагал ей защиту, с цепи они все сорвались, что ли? Да еще эта болтовня про магов, которую Влада тщательно пропускала мимо ушей. Все-таки бывают у каждого человека такие темы, которые он старательно пытается игнорировать.

«Эх, случилось бы что-нибудь сейчас с Москвой. Ураган, или ливень, или потоп, – с тоской подумала Влада. – Чтобы все люди разбежались с улиц, и надолго... и Гильс никого не нашел бы».

Обхватив ладонями стакан с компотом, она боролась со своим разыгравшимся воображением. Ей представлялось, как Гильс сейчас выходит из подземного перехода Сухаревской, как внимательным взглядом сканирует толпу, которая бежит со Сретенки в метро, выбирая себе ту, которая заменит ее, Владу.

Вдруг тень от стакана, которая падала на стол, дрогнула и потемнела. Влада с удивлением подняла голову и увидела, что все тени от предметов в столовой проделывают то же самое: удлиняются, становятся темнее и быстро ползут вбок.

Солнечный день за окном как-то странно померк, будто за несколько секунд резко наступили вечерние сумерки. Влада поднялась на ноги, со звоном отодвинув от себя тарелку, но тут же села обратно на стул: пол под ногами дрогнул, после чего послышался тихий, нарастающий гул, будто где-то глубоко под землей пронесся огромный поезд.

Кто-то изумленно ахнул, уронив вилку, ребята повскакивали со стульев, подбегая к окну. Влада тоже поднялась, сделав несколько шагов вперед. Небо, еще минуту назад бледно-голубое и чистое от туч, теперь кануло в какую-то муть, и солнце проглядывало в ней лишь тонущим, едва заметным кружком.

– Это что за фигня? – послышался изумленный голос кого-то из старшекурсников. – Эй, это не опять этот тролль чокнутый с третьего курса устроил?

– Бертилов! – завизжала Лина Кимовна откудато из другого конца столовой. – Что вы там про лихо болтали, я все слышала! Немедленно прекрати-ить!!! Влада быстро обернулась, в наступившей темноте едва разглядев стоящего за ней Егора. Но на его лице сейчас было написано неподдельное удивление от происходящего.

– Ты что натворил?! – напустилась вдруг на Егора Тановская – Мало тебе, что ты летом устроил, теперь совсем спятил? Выгонят же, дурень!

– Я ничего не делал, просто сардельку жрал, – растерялся Бертилов. – Честно, девки... ничего.

Под потолком столовой зажужжали огневики – сработало автоматическое освещение, но полусумрак светлел с каждой секундой и без него. Когда в столовую вбежал перепуганный завхоз, небо уже почти расчистилось, лишь легкая муть стелилась над крышами, напоминая о только что случившемся.

– Я ничего не делал, не надо на меня бочку катить и глаза таращить! – громко сказал Бертилов, прежде чем на него снова начали орать со всех сторон.

Почти на десять минут в столовой все позабыли про обед, продолжая стоять у окна. Скоро и мутная пелена исчезла с неба, как будто ничего и не было.

– Мне страшно, – поежилась Дрина, обхватив локти ладонями. – Помните, как вчера Буян в актовом зале про знамение орал, что оно сегодня будет? Знамение о приходе Тьмы, которая нас уничтожит?..

– Прекратите, Веснич. Наверняка этот балбес все устроил, – выдавила Лина Кимовна, щурясь то на небо, то на Бертилова. – Ребята, заканчивайте обед, и всем пора на лекции.

В спешке доев остывший суп и второе, студенты разбежались по кафедрам и аудиториям.

Влада, спеша по коридору на пару по носфераторике, на бегу вспоминала, как выглядит солнечное затмение, которое ей, кстати, однажды довелось увидеть. Тогда о нем объявили по телевизору, и дед научил ее подкоптить осколок бутылочного стеклышка, чтобы смотреть через него, что происходит на небе. Она стояла во дворе, разглядывая сквозь потемневшее стекло, как кружок солнца скрывается за наползающей на него тенью. Тогда пришлось почти полчаса ждать, пока солнце исчезнет за темным диском, и яркий день превратится в легкие сумерки. Но в тот раз солнце именно скрылось за тенью, а сейчас небо просто целиком потемнело.

– Горан Гораныч, вы видели?! – выпалил Марик Уткин, забегая в аудиторию, где за столом сидел декан троллей. – Вчера же Буян Бухтоярович всех предупредил, что сегодня знамение будет! Тьма вырвется в тайный мир и объявит нечисти войну, помните?!

– Сядьте, Уткин, и хватит разводить панику, – сухо приказал декан. – Я не знаю, что случилось, но на отмену лекции по носфераторике можете не надеяться. И от получения заданий на рефераты это никого не спасет, – добавил Горан Горанович.

Студенты готовились к лекции, но многие все еще поглядывали на высокие окна, будто ожидая продолжения. Влада пыталась не упасть духом, хотя сейчас ей хотелось броситься из Универа на улицу и растерзать каждого из тех,

кто попадется на пути Гильса. До крови искусанная губа саднила, а пальцы противно дрожали, когда она надписывала новый конспект. Влада даже не сразу обратила внимание на потрясший аудиторию взрыв веселья.

– Че-то он быстро себе новую девчонку нашел! – крикнул Антон Колыванов, и за столами, где сидели студенты, раздался смех.

Влада встрепенулась и подняла голову, увидев, как Гильс, посмеиваясь, возвращается в атриум, а позади него плетется страшно недовольный Герка. Игнат с Холодовым шли следом и отбивались от воинственного завхоза, который размахивал какой-то бумажкой.

– Идите-идите, – размахивал руками Фобос Карлович. – Изловил этих красавцев с проходной в последнюю секунду!

– А что произошло, Фобос Карлович? – спросил декан троллей. – Муранов отпросился с занятий, я его отпустил.

– Да всех завернули, не только нас, чего ржете? – громко сказал Герка, показав кулак смеющимся рожам однокурсников. – Этот гул, что под землей был, это не землетрясение, поняли вы?

– Этот-то Грозный, он же бросил свой пост и сбежал в медпункт, когда Ливченко работают на благо темной стороны! – подхватил завхоз. – Вот, сообщение из Темного Департамента, что студентам в город сегодня выходить запрещено! А Грозный-то имел наглость сбежать с рабочего места. Если бы не я, то что бы было – беда?!

– Я спрашиваю, Фобос Карлович, что стряслось, какая еще беда? – Горан Горанович повысил голос, теряя терпение.

Завхоз протопал к преподавательскому столу и протянул замректора листок бумаги. Декан троллей долго изучал его, потом свернул и отложил в сторону.

– Никакого повода для паники нет. Темный Департамент сообщил, что маги проводят плановые учения, и ротонды проверялись в боевом режиме, а наши зловоротни отозвались, отсюда и грохот под землей, – пояснил он. – Небо

для валькеров в связи с требованиями безопасности сегодня закрыто, так что лекция будет... э-э-э... неожиданно многочисленной, – глядя на влетающих в атриум валькеров и валькирий, сказал Горан Горанович.

Влада, воспряв духом, вопросительно посматривала в сторону Егора, все же подозревая, что это его рук дело, но тот невозмутимо копался в своем смартфоне, водя пальцем по экрану. А при взгляде на непробиваемого Кольванова, который забыл вернуть вилку в столовую и теперь продолжал дожевывать торчащую на ней котлету, окружающая действительность лишалась последнего намека на панику.

Глава 5

Основы безопасности нечисти

Зачем московским магам понадобилось проверять ротонды в боевом режиме и что это были за учения? Версии и слухи курсировали по Универу уже целую неделю. Самая яркая версия, разумеется, принадлежала Буяну Бухтояровичу, который опустошил все запасы успокоительного в медпункте, но теперь даже Лина Кимовна бледнела и хваталась за сердце, когда в коридорах раздавался грохот или шум.

Влада прожила месяц как в аду, заставляя себя погружаться с головой в занятия и приучаясь к мысли, что жить все равно надо. Отчаянная и хрупкая мечта рухнула, и теперь ее осколки больно ранили, стоило только случайно встретиться взглядом с Гильсом или столкнуться с ним в коридорах Носферона. Вампир улыбался ей, здоровался и каждый раз спрашивал, как жизнь, а что было отвечать, если никакой жизни вроде бы пока не было?

Влада улыбалась в ответ, научившись изображать жизнерадостность и вводить в заблуждение не хуже какого-нибудь тролля. Она твердо решила быть на факультете активисткой и браться за все студенческие дела, какие только возможно на себя взвалить. Очень скоро ее загрузили всем, что не хотели брать

на себя Инга Тановская и Синицина и от чего усиленно отбрыкивался Ганц. Это были дела, которые ни один староста в здравом уме и трезвой памяти на себя бы не взял, вроде помощи в учебе особо отстающим студентам вроде Горяева, беготни за прогульщиками лекций Сони Морфеевны, рисования плакатов, схем и учебных пособий, и даже дежурства около зловоротни: кто-то из светлых стажеров Магиструма иной раз хулиганил, в очередной раз рисуя на асфальте перед зловоротней лилию. Лилии приходилось долго стирать тряпками, что было непросто для нечисти – символ светлых магов обжигал пальцы, вызывая головную боль; зато Владе это было нипочем.

И только понимающие взгляды Бертилова говорили о том, что есть кое-кто, кого она не обманула. Троль все видел, понимал и, как казалось Владе, презрительно отмалчивался, делая вид, что это его не касается.

А еще Владу тревожили сны. Точнее, даже не сны, а их отсутствие. Обычно ее сны бывали яркими, цветными, в них бурно перемалывались впечатления прожитого дня, но теперь они вдруг исчезли. Просыпаясь, Влада почему-то вспоминала только полоски и цветочки, будто всю ночь во сне смотрела на стену, оклеенную обоями. Это были хорошо знакомые обои из ее комнаты в ее старом доме на Садовой улице, но почему они так настойчиво снились ей? Влада силилась вспомнить, что же в этих снах было еще, почему они так тревожили и пугали ее, но безуспешно: сны улетали прочь, оставляя в памяти только однообразный рисунок на обоях. Да еще голос, незнакомый, который звучал в ушах, будто пытаясь что-то до нее донести. Стоило открыть глаза, и Влада уже не помнила ни голоса, ни слов, которые тот произносил. В любое другое время она бы просто выбросила это из головы, но сон повторялся изо дня в день, оставляя мучительное ощущение тревоги и чувство, словно она что-то упустила, не поняла чего-то очень важного. К тому же она заметила и еще одну странность: стоило ей начать черкать в конспекте или тетради, не особо задумываясь, что она рисует, как получалась та самая картинка, которую она нарисовала первого сентября на лекции Ады Фурьевны: ее комната, открытое окно в темный двор, полная луна, освещавшая крышу дома напротив.

Вконец измучившись, Влада после долгих самокопаний пришла к выводу, что после разрыва с Гильсом и потери Егора ей попросту хочется оказаться дома, в своей комнате, вспомнить те времена, когда она ничего не знала о тайном мире и училась в обыкновенной школе. Объяснение было не очень, но других в голову не приходило. Жаловаться на свои заскоки было некому: Егору по понятной причине, а Жорик был так занят, что даже не отвечал ей

в скайпе. Не звонить же ему на телефон из-за такой ерунды, как сны и рисунки в конспектах?..

К тому же ведьмаку явно было не до нее: в конце сентября тревожные новости начали доползать в Носферон: валькеры, вылетавшие из Носферона по ночам, рассказывали о столбах света, которые поднимались в небо от городских ротонд: валькеры побаивались подлетать к ним близко, но видно их было даже из Подмосковья. Теленечисть в своих новостях тайного мира мямлила что-то об учениях, которые были согласованы, и поэтому поводов для паники нет, а по обычным городским новостям отчаянно ругали ночные клубы, которые устраивают световое лазерное шоу.

Как-то раз в начале октября после пары по носфераторике вдруг отменили ОБН и сказали всем идти в большой спортзал.

– Быстрее, быстрее! – подгоняла ребят Тановская, которая за последний месяц заметно похудела и похорошела: все-таки ей шла на пользу даже видимость романа с Бертиловым, который явно использовал Ингу, чтобы досадить Владе и что-то доказать ей.

– Народ, чего стряслось-то? – подтягивая штаны, ныл на бегу Марик, который ненавидел физкультуру. – Почему физра вместо истории, а?! Я и форму в общеаге оставил...

– Все оставили, – ответил ему Герка. – Говорят, что-то особенное будет, приехал чувак из Темного Департамента. Ща поглядим.

Большой спортзал Носферона находился на подземном этаже и использовался в основном для тренировок вампиров перед боями. Поскольку тренировки, да и сами бои были запрещены, зал долго пустовал, и теперь Тетьзин, убормонстр Носферона, носился по нему со шваброй, поднимая тучу пыли и традиционно ворча.

В спортзале, куда слетелись почти все огневики, около Лины Кимовны и Фильды Брановны, преподаши по физкультуре, стоял и мило с ними беседовал высокий широкоплечий парень спортивного вида с короткой стрижкой и серьгой в виде оскаленного черепа в ухе. Увидав его, Марик Уткин захлопал глазками, а потом издал радостный вопль, высоко подпрыгнув в воздух; на физкультуре такая

высота никогда ему не давалась.

– Алму-у-ур! – взвизгнули кикиморы, увидав гостя. – Это же сам, сам Алмур!!!

Алмуром на всех отделениях Темного Универа называли старшего брата Гильса Муранова, Алекса. Закончив Носферон, этот вампир оставил о себе какую-то непостижимо устойчивую славу, которая напоминала ректору Батори бессмертную стоголовую гидру – чем больше голов ей отрубить, тем больше их вырастет. К примеру, библиотекарь Носферона каждый раз, слыша грохот в недрах книжных полок или опрокидывая кружку с чаем на ведомости по выдаче учебников, обязательно произносил слово «чертовмуранов», уже даже не помня, как же это слово-паразит к нему приклеилось. Алекс стал чем-то вроде легенды, которая передавалась из курса на курс от выпускников к первокурсникам. Где-то были стены, которые он снес во время великих драк, в общежитии сохранилась кровать, на которой он спал, а его учебники, исчерканные великой рукой, стояли на полке в кабинете ректора, чтобы никто из студентов не добрался до этой реликвии и не увидел нарисованные там ужасы. После окончания Универа Алекс начал работать в Темном Департаменте, занимаясь сложной нечистью, которая создавала много проблем. С ректором Батори он сталкивался неоднократно, каждый раз доводя вампира до ярости, в результате чего ему был запрещен вход в Носферон.

И вот теперь он стоял здесь, в спортзале, готовясь произнести речь для студентов. Это могло означать только одно: личные счеты ректора с ненавистным выпускником сейчас отступили на задний план, уступив место чему-то более важному.

«Если Алекса впустили сюда, и он будет нам что-то рассказывать, значит, его новости не понравятся или напугают», – сообразила Влада, толкаясь среди девчонок позади вампирских рядов.

– Малча-а-а-ать! – Фильда Брановна хлопнула в ладоши с таким треском, что с Марика слетели очки.

– Здорово, ор-рлы! – гаркнул Алекс, подбоченившись и оглядывая строй нечисти. – Итак, меня прислал сюда Темный Департамент. Вы все меня уже знаете, и представляться лишней раз не стану. Обращаться ко мне можно просто Алекс, без приставки «мор», не дожидаясь еще до такого, – вампир

усмехнулся. – Вижу, что факультеты рады отмене лекций по основам безопасности нечисти и хотят чего-то нового. И так, у нас немного изменилась учебная программа курса основ безопасности нечисти. Мы будем изучать поведение нечисти в условиях войны. Войны между темными и светлыми, – добавил Алекс.

– Ух ты, – сказал кто-то. – Вот месяц назад ротонды жажнули – это что, объявление войны нам было?

– Жажнули? – Алекс усмехнулся. – Это они только пыль с себя вековую стряхнули. Если бы они жажнули, Носферона бы уже не было. А так – это были обычные учения магов, как нам было официально сказано, – Алекс многозначительно поднял одну бровь. – Но такие учения не проводились ни разу за все триста лет существования Конвенции. Поэтому по распоряжению Темного Департамента курс ОБН меняется.

– Домовые говорят, что надвигается война, потому что Тьма открывается, и оттуда выходит какойто маг или властелин, который собирается объявить нечисти войну и всех нас уничтожить, – высказался Марик. – Может, нас отпустят по домам уже?

– Не несите глупости, Уткин, – оборвала его Лина Кимовна. – Как не стыдно, вы же упырь, а не...

– А не кисейная барышня, – закончил за нее фразу Алекс Муранов, мягко отодвигая преподашу в сторону. – Я все понял, настроения ясны. А что скажут вампиры?

– Алекс, ну мы не домовые, чтоб слухи разносить, но бои-то отменили. Так что вампиры, кроме нецензурных слов, ничего не скажут, – ответил Гильс, который стоял, скрестив руки и прислонившись к шведской стенке. – Не дурачки, поняли, что нам запретили любые тренировки, чтобы мы разучивались драться.

– Умение драться очень важно, – кивнув брату, согласился Алекс. – Но мы сейчас будем говорить о выживании нечисти в случае начала войны со светлыми. В первую очередь вы должны знать несколько важных правил. Первое: при ударах светлой магией нужно укрываться на территории зловоротен. Их расположение в городе вы должны помнить, как таблицу умножения.

Вне города зловоротнями являются так называемые гиблые места, дислокацию которых вы тоже должны выучить.

Второе: наши поселения, вроде Огоньково или Пестроглазово, закрываются, и именно туда эвакуируются семьи. Но все студенты Носферона, все до одного, переходят под командование Темного Департамента и подчиняются его приказам. В случае войны нечисть передвигается по янву, куда вы научитесь входить на лекциях по янвологии.

- Можно вопрос? - Герка поднял руку. - Маги видят нас в янве, какая нам разница, где передвигаться?

- Маги видят наши силуэты, это верно, - согласился Алекс. - Но, когда нечисть передвигается очень быстро, они видят лишь смазанные тени, похожие на призраков. И то лишь те маги, в которых течет древняя кровь.

- Огнева, например, - громко заметила Тановская, оглядываясь на Владу, которая стояла у стены, надеясь остаться незамеченной до конца этой стихийной «лекции».

Влада вздрогнула, когда на нее устремились десятки глаз.

- Да, девушка с хорошей памятью, именно Огнева! - весело подхватил Алекс. - Уникальная студентка нашего Носферона, у которой половина магической древней крови! Подчеркиваю - половина!

- А вот я слышал, что наша Огнева ващ-ще может магов взглядом убивать, - заявил вдруг Йорг. - Пусть сходит в Магиструм, чего она в Носфероне отсиживается?

- Вот-вот, и я это слышал, - сказал тот самый вампир-старшекурсник, который цеплялся к Владе в столовой со своей защитой.

- Можешь, Огнева? - заинтересованно спросил Игнат.

- Завтра с утра всех магов поубиваю, потерпите, - огрызнулась Влада, которой и правда сейчас хотелось кого-нибудь убить. Она ненавидела моменты, когда

нечисть, вспоминая про ее происхождение, дружно пялилась на нее, разглядывая, как экспонат в музее.

– А ведь правда, почему тогда Огневой просто не открыть эту самую Тьму, чтобы выпустить оттуда Армана и чтобы древние вышли и просто покрошили в винегрет этих светляков? – Герка так разволновался, что у него глаза разгорелись, будто два алых уголька. – Но ведь в случае новой войны... нам же говорили, что выйдет из Тьмы древняя нечисть! Наше ядерное оружие, которое всех магов размажет, а? Может, оно и к лучшему?

– Ат-тлично! – проорал Алекс Муранов, потирая ладони. – Супер, народ! Значит, план действий у вас уже есть! Кстати, Герман Готти, чем ты планировал заниматься на зимних каникулах?

– Тусня всякая будет, – пожал плечами Герка. – С пацанами поедем по гостям, все такое... а что?

– «С пацанами тусня», – повторил Алекс, прищурившись. – Увы, придется отменить. Если Тьма откроется, выйдут древние, и начнется война. И это будет самая страшная война, которая сметет все с лица земли! Вы к этому готовы?

– Мне нехорошо, – Марик Уткин поднял дрожащую руку, второй придерживая на носу очки, чтобы они снова не свалились. – Можно мне выйти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/gotti_sasha/vlada-i-voyna-prizrakov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)